АБСОЛЮТНАЯ ЧЕМПИОНКА ЕВРОПЫ ПО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГИМНАСТИКЕ ГАЛИНА БЕЛОГЛАЗОВА

«УРАЛХИММАШ»: ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

ПРОДОЛЖЕНИЕ РОМАНА ЮРИЯ БОНДАРЕВА «ИГРА»

«КЛУБ КЛАССИКИ»: КУСКОВО

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 7 ФЕВРАЛЬ 1985

Агиттеатр «Россия» Дворца культуры МАИ: новая программа к XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов.

В. ЛЕЙБОВСКИЙ
Фото А. БОЧИНИНА

САЛЮТ, ФЕСТИ

Плакат, выпущенный к форуму юности.

ВАЛЬ!

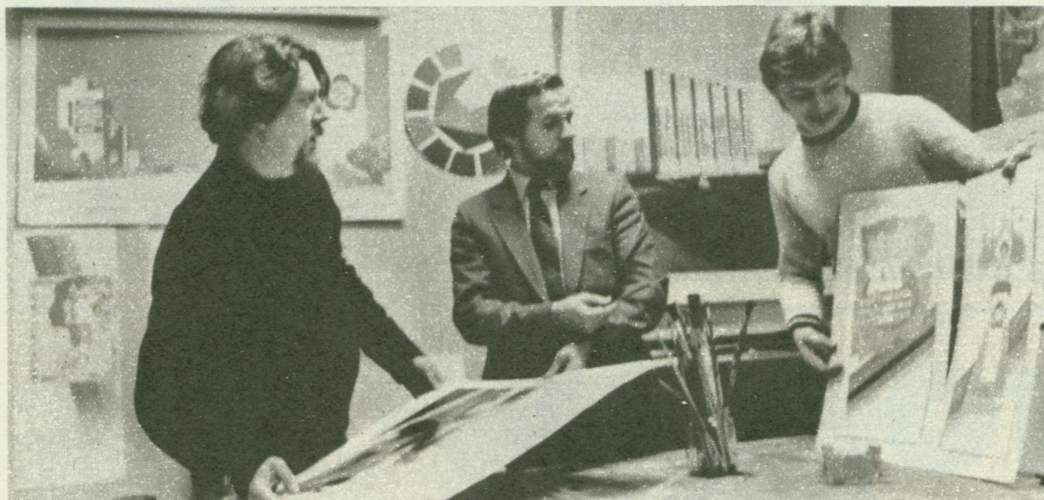

Катюша — «хозяйка» фестиваля.

Бригада Г. Русанова из цеха цилиндрических роликов 1-го ГПЗ.

За эскизами оформления фестивальной Москвы художники В. Крюковский и А. Малков, студент художественного училища имени 1905 года Н. Шуйков.

●

Салют, фестиваль! Под таким девизом провели недавно вечер комсомольцы Первого государственного подшипникового завода.

Около 28 лет прошло со времени проведения VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. Большинству тех, кто собрался в этот вечер во Дворце культуры завода, меньше двадцати восьми. Поэтому они с большим вниманием слушали воспоминания тех, кто участвовал в том фестивале, а также тех, кто отвечает за подготовку предстоящего,— членов советского подготовительного комитета XII Всемирного. Было интересно и радостно.

Но фестиваль—это и труд. И большая ответственность. Именно так понимают свое участие в предстоящем форуме юности рабочие комсомольско-молодежной бригады, возглавляемой Григорием Русановым. Они предложили: «Давайте добиваться права носить имя XII Всемирного».

— Мы верили, что нашу инициативу подхватят другие комсомольско-молодежные коллективы,—говорит Григорий Русанов.—И не ошиблись. В соревнование включились сорок две бригады завода.

Лидеры соревнования — его инициаторы. Вровень с ними коллектив (разумеется, комсомольско-молодежный), которым руководит Сергей Григорьев. И можно уже предугадать победителя: победит дело.

На заводе был проведен субботник, средства от которого пошли в фонд фестиваля. Коллективы ряда цехов решили отработать в этот фонд еще один день. И отработали.

В каждом выпуске заводской многотиражки «За отличный подшипник» освещается ход подготовки к фестивалю. И в выпусках заводского радио эта тема одна из важнейших.

Недавно во Дворце культуры открылся венгерский клуб. Это событие было приурочено к дням Будапешта, проведенным в Москве. Но дело не только в них. Много лет рабочие 1-го ГПЗ дружат и соревнуются с коллегами из Дебрецена, там такое же предприятие. Во время фестиваля московский завод, его Дворец культуры будут родным домом для членов венгерской делегации. А для гостей фестиваля родным домом станет вся наша прекрасная столица.

Об этом думают, беспокоятся, над этим трудятся коллективы многих других заводов. А также транспортники, швейники, работники гостиниц, предприятий общественного питания, архитекторы.

Заместитель начальника управления внешнего благоустройства и озеленения Главного архитектурно-планировочного управления Мосгорисполкома Анатолий Пантелеевич Малков сам еще в возрасте «фестивальном». И так увлеченно, увлекательно рассказывает о будущем праздничном облике столицы, что запросто перемещаешься на полгода вперед и оказываешься...

...на одной из центральных магистралей — улице Горького, проспекте Мира, Ленинградском, Ленинском проспектах...

...или на Метростроевской и Кропоткинской улицах, по которым пройдет фестивальное шествие...

...а затем на Главной арене Центрального стадиона имени В. И. Ленина, где состоятся праздники торжественного открытия и закрытия XII Всемирного...

...или в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького, где пройдут конкурсы, выставки, концерты...

Адреса фестивальных мероприятий — 120 объектов. Все они будут украшены ярко, празднично, солнечно!

Красный, голубой, желтый, зеленый, фиолетовый — это цветовая гамма фестиваля. Ею будет насыщено все оформление столицы. Сотнями тысяч цветов будет полыхать вся Москва.

Сколько людей занято подготовкой к фестивалю? Этого никому не подсчитать. Но если сказать, что подготовкой занят весь город, ошибки, пожалуй, не будет. И не только наш город. Огромный выставочный зал Союза художников СССР оформят специалисты Эстонии. Анатолий Пантелеевич показал мне эскизы — замечательно!

Много художников участвует в оформлении фестивальной столицы. Не все они профессионалы. Но все энтузиасты. Эта сопричастность созвучна идее, смыслу, духу фестиваля.

Об этой сопричастности говорила мне солистка балета Большого театра, лауреат премии Ленинского комсомола, член Советского подготовительного комитета XII Всемирного Алла Михальченко. Говорила о том, что комсомольская организация ГАБТа выступила с инициативой «Творческая молодежь столицы — XII Всемирному». Духом этой сопричастности проникнута работа творческих коллективов столицы, как профессиональных, так и самодеятельных.

...— Юра, ставь фонограмму, начинаем: «Пролог»... Встали на исходную позицию...— Это звучит голос режиссера Евгения Шибагутдинова.

Идет обычный рабочий, репетиционный вечер в агиттеатре «Россия» Дворца культуры Московского авиационного института. Коллектив носит название «народный театр», ему присуждена премия Ленинского комсомола. Театр объездил всю страну, не раз выступал за рубежом. Есть признание, известность, опыт. Но сейчас перед студентами-артистами словно чистая доска. И волнение — как перед первой сессией или первым спектаклем. Потому что фестиваль! Нет, они еще не чувствуют себя его участниками. Как и многим другим коллективам, этого права нужно добиться. «Россия» готовит новую программу, новый спектакль. Какой? Об этом меня просили пока не говорить.

Но непременно нужно сказать о том, что много спектаклей коллектив сыграл в фонд фестиваля.

Субботники, рабочие дни стройотрядов в Подмосковье, Смоленске, Уренгое, вечера отдыха молодежи, многие другие мероприятия; средства от них Московский авиационный институт перечислил в фонд фестиваля. Ему в институте посвятили конкурс агитплаката. Были представлены сотни работ. Лучшим открыт путь на фестиваль. А еще были конкурс-слет самодеятельной песни и вечер первокурсников — все в фестивальной «тональности». Такова сопричастность.

О ней в беседе с корреспондентом «Огонька» говорил секретарь ЦК ВЛКСМ Владимир Федосов:

— Важную роль в подготовке к XII Всемирному сыграли наш Всесоюзный фестиваль молодежи, марш Мира советской молодежи, социалистическое соревнование за право участия в XII Всемирном, различные конкурсы. Предстоящий грандиозный форум молодежи побуждает юношей и девушек еще лучше работать, активнее участвовать в общественной жизни. В общем, фестиваль мобилизует к еще более активной жизненной позиции.

До открытия осталось полгода. Сделать предстоит еще немало. Но все идет по плану. Мы уверены в том, что Москва будет полностью готова к приему гостей, к открытию Всемирного форума молодежи и отлично проведет его.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 7 (3004)

9—16 ФЕВРАЛЯ

ПЕРЕГОВОРЫ В МОСКВЕ

По приглашению Советского правительства 31 января — 2 февраля 1985 г. в Советском Союзе находился с визитом член ЦК КПЧ, министр иностранных дел Чехословацкой Социалистической Республики Б. Хнеупек.

Между членом Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР, министром иностранных дел СССР А. А. Громыко и Б. Хнеупеком состоялись переговоры, в ходе которых в атмосфере дружбы и полного взаимопонимания были обсуждены вопросы двусторонних отношений и актуальные международные проблемы, представляющие взаимный интерес.

На снимке: перед началом переговоров.

Фото В. Егорова (ТАСС)

ВО ИМЯ МИРА НА ЗЕМЛЕ

Юрий ПОПОВ

В эти дни из различных стран мира приходят многочисленные отклики мировой общественности и прессы на ответы товарища К. У. Черненко на вопросы корреспондента американской телекомпании Си-эн-эн. Интерес к словам выдающегося советского лидера, сказанным в преддверии начинающихся 12 марта советско-американских переговоров по ядерным и космическим вооружениям, огромен. В этих ответах четко и определенно изложена точка зрения советской стороны на ряд важнейших проблем современности, от которых зависит будущее всего человечества, всей нашей планеты, сделан упор на реальные возможности и пути коренного оздоровления международной обстановки, предотвращения гонки вооружений в космосе и прекращения ее на земле.

Общеизвестно, что к вопросам ликвидации ядерной опасности, которая нависла над человечеством, у Советского Союза и Соединенных Штатов Америки подходы разные. Наша страна придерживается той точки зрения, что народы земли могут вполне справиться с задачей обеспечения международного мира, могут избавиться от угрозы ядерной катастрофы. «Люди не просто осознают драматизм нашего времени,— отметил товарищ К. У. Черненко,— они все четче понимают, где проходит водораздел между двумя основными курсами политики — политикой мира и линией на подготовку войны. Народы и правительства решительно высказываются за оздоровление международной обстановки, за прекращение гонки вооружений, за мирный космос, за устранение ядерного оружия с лица земли».

С самых первых дней своего существования Советский Союз последовательно проводил политику мира и дружбы между народами, политику, отвечающую интересам многомиллионных масс на всех континентах. В Советском Союзе нет таких слоев населения, которые наживались бы на гонке вооружений. И естественно, что конечным итогом усилий в области ограничения и сокращения вооружений наша страна считает полную ликвидацию ядерного оружия. Возможности для серьезного и плодотворного рассмотрения вопросов, касающихся и разоружения и недопущения использования космического пространства в военных целях, сейчас имеются. Они заложены в тех договоренностях о целях и предмете предстоящих советско-американских переговоров в Женеве, которые зафиксированы в совместном советско-американском заявлении.

К сожалению, в самих Соединенных Штатах есть весьма влиятельные силы, которые намерены препятствовать достижению соглашения между двумя странами по целому ряду важнейших проблем. Военно-промышленный комплекс США, который сейчас определяет политику самых высших эшелонов американской администрации, развернул невиданный доселе конвейер гонки вооружений. Более того, разговоры о «звездных войнах», которые ведутся в пентагоновских кругах,— это далеко не плод досужей фантазии. Это попытка обрести для США возможность нанести ядерный удар первыми в расчете на безнаказанность, прикрываясь от возмездия этим космическим «щитом».

Насколько справедливы такие расчеты — это на совести самих пентагоновских генералов. Стремление советских людей к миру и к кардинальному решению проблем разоружения они склонны рассматривать как признак нашей слабости и именно поэтому прибегают к наращиванию темпов осуществления своих военных планов. Но это, как уже было не один раз, грубый просчет. Нас этим не запугаешь, и если понадобится, будет сделано все необходимое, чтобы оградить мирный труд советских людей и всех друзей Советского Союза от угроз и военных посягательств. Наша страна выступает за прекращение гонки вооружений не потому, что нам нечем ответить. Сама жизнь ставит в повестку дня комплекс этих проблем, и другой альтернативы, кроме как достижения успешной договоренности между США и СССР, сейчас не существует.

Народы мира с глубоким одобрением оценивают позицию Советского Союза в вопросах войны и мира. Они видят, что Советский Союз полон решимости добиваться реальных результатов на предстоящих переговорах в Женеве. Его цель — не допустить милитаризации космоса, ликвидировать ядерное оружие. Политические и общественные деятели различных стран, органы массовой информации подчеркивают эту мысль в своих комментариях к ответам К. У. Черненко. Вот некоторые из этих откликов.

Председатель Совета Безопасности ООН Натараджан Кришнан (Индия): «Серьезные и целенаправленные переговоры между СССР и США, честное соблюдение достигнутой в Женеве договоренности во всех ее частях — необходимое условие для осуществления целей разоружения. В результативном исходе советско-американских переговоров заинтересовано все человечество. Как совершенно справедливо указал К. У. Черненко, на этих переговорах необходимо учитывать ту реальную угрозу, сопряженную с опаснейшими последствиями для будущего планеты, которой чревато перенесение гонки вооружений в космос».

Газета «Лос-Анджелес таймс» (США):

«Советский руководитель подверг резкой критике выдвинутую администрацией Рейгана концепцию «стратегической оборонной инициативы», направленную на достижение военного превосходства, и подчеркнул, что она носит наступательный, агрессивный характер... Советский Союз подтвердил свою твердую приверженность необходимости решения проблемы ядерных и космических вооружений в органической взаимосвязи».

Газета «Монд» (Франция):

«Милитаризация космоса опрокинула бы бессрочный советско-американский Договор об ограничении систем противоракетной обороны, как и многие другие действующие сейчас международные соглашения».

Газета «Курир» (Австрия):

«Серьезное предупреждение К. У. Черненко в адрес США: если Вашингтон и в дальнейшем будет придерживаться планов милитаризации космоса, то это осложнит перспективы сокращения ядерных вооружений».

Советский Союз на предстоящих переговорах в Женеве твердо намерен добиваться запрещения использования космоса в военных целях и ликвидации всех видов ядерного оружия. Эту позицию Советского государства поддерживают все, кому дорог мир на нашей планете.

Новелла ИВАНОВА,
специальный корреспондент «Огонька»

ФРГ: люди и проблемы

ЦИРК И ПОЛИТИКА

Во Франкфуртском аэропорту, среди невообразимой толчеи, стоял с тележкой для багажа высокий, скромно одетый молодой человек. На самом видном месте тележки красовалась обложка «Огонька». Из всех пассажиров московского рейса этот сигнал мог быть адресован только мне.

— Вы фрау Иванова? — обрадовался молодой человек.— Я ваш гид Томас Бремер, учусь на отделении славистики Мюнхенского университета. Вы будете гостем фонда Фридриха Эберта. Фонд поручил мне встретить вас и доставить в Бонн!

В ФРГ каждая партия имеет свой фонд — солидную организацию, которая занимается исследованием истории партии, экономическими и социально-политическими проблемами современности. У Социал-демократической партии Германии этот фонд носит имя Фридриха Эберта и сотрудничает с сотней зарубежных научно-исследовательских институтов, изучающих рабочее движение, в том числе и с нашими, советскими.

...Поезд не спеша шел вдоль берега Рейна, и в окне возникали одна прекраснее другой живописные картины с замками на холмах, островерхими готическими кирхами, нарядными домиками под красной черепицей, напоминающей рыцарскую кольчугу.

Мои восторги вызвали у мюнхенского студента неожиданную реакцию.

— Вы только посмотрите, какой грязный Рейн! В нем давно не водится рыба, да и людям не везде безопасно купаться... И эти чудесные леса тоже обречены на гибель. Вы слышали, наверное, что ФРГ стоит перед экологической катастрофой. Треть наших лесов больны или уже погибли из-за «кислотных дождей», появившихся по вине безответственных промышленников. Если бы не партия «зеленых», никто бы и пальцем не пошевельнул!

Томас рассказал, что он был среди тех двух миллионов, кто отдал свой голос на последних выборах в бундестаг за эту новую партию. Его лично привлекает и широкая антивоенная программа «зеленых», которые требуют сокращения военного бюджета, выступают за выход ФРГ из НАТО и считают, что не нужно ни перевооружать, ни переоснащать бундесвер. А с бундесвером у мюнхенского студента сложились особые отношения. Томас отказался проходить службу в армии ФРГ: «Я считаю, служить в нашей армии беспринципно,— и не стану этого делать!» По закону он обязан теперь два года отработать в сумасшедшем доме, либо в клинике для неизлечимо больных, либо в монастыре. Он избрал последнее и вырвался в эту поездку на несколько дней в счет своих выходных.

Интересно, кто научил так хорошо, почти без акцента говорить по-русски моего гида и почему он выбрал именно русский?

— Я хочу разобраться в том, что происходит в мире, а как в этом разобраться, если не знаешь русского? — ответил он очень серьезно.— Отец недоволен был моим выбором профессии. Сам он инженер-механик, имеет маленькое дело. Мама работает в его конторе, а сестра после школы устроилась продавцом в магазин и торгует компьютерами. Но мне повезло: во-первых, потому, что я полгода практиковался в сербском языке в Белградском университете и полюбил эту страну, ее людей. Во-вторых, в нашей университетской библиотеке работала старая русская женщина из эмигрантов. Так вот ей я и обязан не только интересом к русскому языку и литературе, но и к Советской стране вообще. Русские — люди особого психологического склада, искренние, великодушные и откровенные... Такие черты у нас становятся редкостью, особенно у молодых.

— А что типично для них?

— Разочарование, ограниченность мышления и практицизм! Это не их вина, это итог нашего разрекламированного процветания. Да, магазины забиты красивыми вещами, улицы— шикарными автомобилями. Но спросите любого молодого немца, каких писателей и поэтов своей страны он знает или с каким зарубежным автором знаком? Большинство вам ответит: «А зачем мне их читать? Я смотрю кино и телек, хватит с меня культуры!» Когда я приехал с группой туристов в СССР, то был поражен: в метро почти все читали! Я беседовал со многими советскими студентами. Они отлично знают не только свою литературу, но и зарубежную!

Позднее, встречаясь в ФРГ с самыми разными людьми, я убеждалась в том, что в дорожной беседе с умным мюнхенским студентом наметились многие важные проблемы политической жизни этой страны.

...В Бонне чуть ли не с каждой афишной тумбы на прохожих строго взирала седовласая дама в элегантном темно-синем платье.

— Что рекламирует эта дама? — спросила я у Томаса. Он рассмеялся:

— Эта дама рекламирует себя! Катарина Фокке много лет была министром в кабинете ныне оппозиционной социал-демократической партии. Теперь она — кандидат от этой партии на предстоящих выборах в Европарламент. Кстати, вы приглашены на цирковое представление, в котором участвует сама фрау Фокке!

Вечером толпы взрослых и детей устремились к синему шатру шапито, раскинувшемуся на одной из столичных улиц. Большинство пришло с флажками социал-демократической партии, люди обменивались новостями — здесь собрались в основном приверженцы и активисты СДПГ. Грянула музыка, и в ложе для почетных гостей в свете прожекторов появилась в том самом синем платье фрау Фокке, вслед за ней бургомистр Бонна Ханс Вельц и другие известные деятели партии.

В канун выборов в Европарламент Катарина Фокке организовала большое цирковое турне по городам ФРГ с участием артистов европейских стран. Открывая заключительное представление в Бонне, она под стрекот телекамер призналась: «Мне говорили, брось ты этот цирк, Катарина! Но я не согласилась, хотя было немало трудностей с организацией программы. Посмотрите сами это представление и вы убедитесь, что мы многому должны учиться у цирка: сплоченности, терпимости, поддержке друг друга! На манеже перед вами будут слаженно работать люди из разных стран Европы. Мы хотели показать вам Европу такой, какой она должна быть, если бы в ней царили солидарность, мир, взаимопонимание и человеколюбие!»

Что ж, тут, пожалуй, фрау Фокке попала в точку! Многие годы Европарламент, в котором от имени миллионов людей выступают и принимают решения 434 депутата, называют пустой говорильней. Блоку правых партий там и по сей день принадлежит большинство, которое послушно под натовскую диктовку плодит документы, служащие не общеевропейскому сотрудничеству, а скорее во вред ему.

Но в цирке все шло согласно традициям: собачки послушно вальсировали по кругу, воздушные акробаты все выше и выше перелетали через преграды, изображавшие границы между европейскими государствами, а канатоходцы бесстрашно скользили по проволоке, натянутой под куполом.

Достовернее всего выглядели на арене клоуны. Они представляли все страны Общего рынка и ссорились из-за того, кто из них должен торговать пышками. К радости ребятишек, свалка получилась отменная, а закончилась она сюрпризом. Клоуны понесли корзины с пышками к зрителям, и одному из них, молодому парню, нашедшему спрятанную в одной пышке конфетку, посчастливилось получить из рук фрау Фокке приглашение посетить Францию в дни выборов в Европарламент. В конце представления Катарина Фокке продемонстрировала всем шкатулку с деньгами, вырученными от продажи билетов на представление. «Здесь ваши деньги! — торжественно произнесла она.— Я надеюсь, что вы согласитесь, если я передам их бургомистру Бонна, чтобы они были потрачены на помощь детям малоимущих гастарбайтеров». Растроганные боннцы воодушевленно аплодировали, забыв в эти минуты о том, что два миллиона гастарбайтеров — иностранных рабочих: турок, итальянцев, португальцев — постоянно вызывают враждебность у двух с лишком миллионов немецких безработных. Но в цирке эта социальная острая проблема, как и другие, выглядела нестрашно, даже смешно.

Официальному Бонну в минувшее жаркое лето было не до смеха. Бастовали печатники. Завершилась затяжная забастовка металлистов. Газеты писали о продолжающемся кризисе доверия к правящей консервативно-либеральной коалиции партий ХДС/ХСС и СвДП. Каковы же дальнейшие перспективы политической жизни страны? Куда идет Западная Германия, на которой намертво защелкнулись ядерные кандалы?

В ОППОЗИЦИИ ВИДНЕЕ!

В моей рабочей программе, составленной сотрудниками фонда Фридриха Эберта, оказался, как и следовало ожидать, некоторый социал-демократический перекос. Одной из первых была организована встреча с моим коллегой—журналистом, работающим в журнале «Нойе гезельшафт», который является теоретическим органом СДПГ. Энергичный, темнобородый Ганс Шумахер с первых минут знакомства объявил, что не раз бывал в нашей стране, встречался с главным редактором журнала «Коммунист», с директором Института США и Канады АН СССР и другими учеными.

— А что интересует читателей «Огонька»?

— Проблемы современной политической ситуации в Федеративной Республике Германии. Как вы их оцениваете?

— Скажу несколько слов по поводу того, что произошло за два года после смены правительства и прихода к власти коалиции партий ХДС/ХСС и СвДП. Новая власть щедро давала предвыборные обещания, что она все улучшит в области экономики и социальных проблем. Но такое обещание не в состоянии выполнить ни одно правительство. И очередной этап оживления экономики выдохся уже на старте. С весны 1983 года началось снижение уровня жизни. Существует тесная связь экономики и социальной политики. Приведу такой пример. В начале 70-х годов социал-демократическое правительство приняло закон, который дал право студентам получать стипендию, размер которой определяется суммой доходов родителей и числом членов семьи. Это давало детям из низших слоев общества возможность получить диплом вуза. В 1970 году таких студентов было пять процентов, а в 80-м — уже 20! Новое правительство сочло, что в стране слишком много людей с дипломами вузов и ...«преобразовало» закон о стипендиях таким образом, что теперь после окончания учебы студент должен вернуть всю сумму! Правительство г-на Коля, видимо, хочет восстановить прежнее разделение общества, чтобы интеллектуальная элита служила интересам своего класса. Это шаг назад! Точно так же шаг назад сделало новое правительство в области культуры, когда взяло на себя роль воспитателя массового вкуса. Как это достигается? Очень просто. Только те деятели культуры получают заказы от телестудий и кинокомпаний, которые делают то, что правительство находит нужным. А оно находит нужным открыть двери американской кинопродукции, причем самого низкого качества. В области социальных проблем применяется такой трюк: говорится, что «новая бедность» в ФРГ — это свидетельство возросшего жизненного уровня, так как «у нас бедные по сравнению с бедными других стран — люди обеспеченные и бедняков как таковых у нас нет!». Во внешней политике повторяется тезис о том, что с немецкой земли никогда не будет развязана новая война. А что в действительности? Тесный альянс с США, и в итоге — размещение смертоносных «Першингов-2» на нашей земле, долгосрочные планы развития бундесвера и отмена для ФРГ ограничений на производство наступательного оружия. Так что Рейган с полным основанием может наконец сказать: «Мы имеем теперь своего канцлера в Бонне!» Правда, нельзя забывать, что за долгие годы американский капитал пустил глубокие корни в ФРГ, он самым тесным образом связан с нашими ведущими концернами. На нашей земле оказалось немало и американских солдат, и американского оружия, а в таких обстоятельствах проявлять независимость не так-то просто!

— Что лично думаете вы: хотят ли западные немцы войны?

— Большинство населения высказало свою позицию, когда осенью 1983 года проходил опрос по поводу размещения американских ракет,— 74 процента западных немцев сказали «нет». И политикам, тем, кто стоит у влас-

ти, придется с этим считаться, если они не хотят потерпеть фиаско в 1987 году на очередных выборах. С точки зрения социал-демократической партии, которая находится в оппозиции и потому лишена возможности принимать реальные меры, согласие на размещение ракет нанесло серьезный ущерб международным позициям ФРГ и зачеркнуло то, чего наша партия добилась за многие годы своей работы.

— А «Движение за мир»?

— «Движение за мир» было и остается важной политической силой в нашей стране. Мы не видим никакой альтернативы политике мира и разрядки. На чрезвычайном съезде в Кёльне в конце 1983 года наша партия вновь подтвердила свою позицию по вопросам безопасности. А. А. Громыко с полным основанием настаивает на конструктивных предложениях СССР, которые отвергаются Америкой. Диалог великих держав затягивается, и в мире растет количество оружия, которое теперь уже целится в человечество из космоса! Американцы представляют будущую войну как эдакий вестерн «пиф-паф, кто-то убежал, а кто-то упал». Кинематографическая версия в мировой политике — вещь опасная! Наша задача — разубедить западных немцев, которым вбили в голову, что с ядерным кулаком в кармане они в большей безопасности, и доказать, что выход из упряжки НАТО, добрососедские отношения со странами Востока для нас самое разумное, чтобы сохранить жизнь нашим потомкам!

Еще одна встреча — с Вильгельмом Брунсом — помощником видного деятеля СДПГ, депутата бундестага Эгона Бара. Брунс выложил передо мной целую кипу документов по проблемам внешней политики и отношений с ГДР. В них — поучительная история последнего десятилетия. В 70-е годы Бонн, где у власти были социал-демократы, демонстрировал поворот политики на рельсы реализма и разрядки, признание существующих границ в Европе и послевоенных реальностей. Были заключены Московский и другие договоры с социалистическими странами, широкие масштабы приняло мирное сотрудничество с ГДР. А ныне Бонн под влиянием тесной дружбы с заокеанским партнером вновь объявил открытым «германский вопрос» и в итоге, как отмечается в заявлении Президиума Правления Германской коммунистической партии, «в ФРГ активизировались крайне правые силы с целью пересмотра исторических результатов второй мировой войны».

Многие в ФРГ отдают себе отчет, куда толкают посягательства на существующие границы. Я привела своему собеседнику слова Эгона Бара: «Нерушимость границ означает статус-кво и служит предпосылкой мира и разрядки»,— и спросила:

— Как вы думаете, к кому они обращены?

— В первую очередь к молодым! Ведь сейчас все больше появляется разнообразных «союзов» и «землячеств», куда реваншисты стараются привлечь молодежь. Старшее поколение немцев, у которых за плечами тяжелое прошлое, постоянно ощущает свою вину за то, что случилось. С молодыми иначе. Они попали в положение очень тяжелое...

Все разговоры о молодежи в ФРГ так или иначе замыкались на конкретном факте: среди безработных в этой богатой стране самыми необеспеченными оказались именно молодые люди. В 1984 году двести тысяч выпускников западногерманских школ не получили работы. В целом армия безработных молодых людей (и среди них дипломированные специалисты) превысила четыреста тысяч человек!

— Что в связи с этим намеревается предпринять партия, ведь выборы не за горами, в 1987 году?

— Вопрос о том, с кем будет молодежь, важный. На последних выборах наши самые большие потери были среди молодых избирателей. Прежде молодежь составляла 70 процентов избирателей, которые голосовали за нашу партию, а теперь только 50 процентов.

— Почему так случилось?

— Причин несколько. Когда СДПГ была у власти, она мало занималась проблемами, о которых теперь много говорят, я имею в виду экологию.

— Неужели защита лесов и рек для молодых важнее вопроса, где найти работу?

— Конечно, решить проблему занятости важнее! Но молодежь по всей стране включилась в движение за охрану лесов и рек именно потому, что хотела найти применение своим силам и что-то конкретно полезное сделать. Мы упустили это из виду. Ведь исследовать эту проблему надо было еще в начале 70-х годов, когда наступил подъем студенческого движения в нашей стране. Потом молодые стали выступать против атомных станций, в защиту гибнущей природы и включились в борьбу против ядерного оружия. 79-й год — принятие пресловутого «двойного решения НАТО» — дал толчок массовому движению против атомного оружия на территории ФРГ. В этом движении соединились все поколения, и на этой волне родилась партия «зеленых». Я считаю, что она имеет один серьезный недостаток — выступая с критикой, не имеет конкретной программы.

— А что предлагаете вы молодым?

— Мы готовим программу, которую предложим своим избирателям. В мае 1984 года в Эссене состоялся съезд, на котором мы вынесли ее на обсуждение. В ней четыре пункта, касающихся молодых: безработица, школьное образование, проблемы экологии, мир вместо войны.

УЖИН С ЛИДЕРОМ ПАРТИИ «ЗЕЛЕНЫХ»

В 1984 году произошло событие, выходящее за рамки традиций западногерманского парламента. На выборах в правление партии «зеленых» все три сопредседателя оказались женщинами. С одной из них я познакомилась.

Депутат Аннемария Боргманн оказалась красивой молодой женщиной. Желтый, модного спортивного покроя костюм, яркая нитка бус, женственность, мягкость во взгляде и манере беседы — весь ее удивительно домашний облик не вписывался в рамки традиционного портрета политического деятеля.

Она живет в городе Вуппертале, в нескольких часах езды от Бонна. Работала экономистом, вышла замуж за учителя, родила двух мальчишек, пять лет не работала, потом стала учительницей в школе.

— Что привело вас к политической деятельности?

— Я много лет не интересовалась политикой всерьез, жила как на острове,— школа, дети, муж. В 1976 году у нас в стране началось движение против атомных электростанций. Дельцы, которые их строили, не заботились об охране окружающей среды. Тогда что-то во мне сдвинулось, я словно очнулась от сна — почему я в стороне? Мы с мужем вошли в число тех активистов, которые в нашем городе стали организаторами новой фракции в бундестаге — фракции «зеленых». Вскоре началось движение против американских ракет, движение за спасение мира, и эти два движения в моем сознании были неотделимы. Мы в нашей городской организации партии «зеленых» тут же включились в борьбу против установки ракет на земле ФРГ. У меня двое сыновей, теперь им 16 и 18 лет, и я не хочу, чтобы они шли в армию.

— А как получилось, что именно учительницу Аннемарию Боргманн выдвинули кандидатом от партии «зеленых» в бундестаг?

Она тряхнула тяжелой гривой темных волос.

— Жалко, вы не были у нас в Вуппертале! В нашем городе всего 400 тысяч жителей, и в нем, как на ладони, видны проблемы страны. Наше городское отделение партии «зеленых» поручило мне заниматься проблемой развивающихся стран и разоружения. Я вначале удивилась: при чем тут одно и другое? Но когда подумаешь, сколько денег тратится на создание несметного количества вооружений, то становится ясно, куда эти деньги должны быть вложены — в строительство школ, больниц, помощь для голодающих детей в этих странах. У нас в Вуппертале появился «Комитет Никарагуа», и мы проводили кампании в поддержку народа этой страны. Но Никарагуа далеко, а рядом, в нашем городе, живут люди, которые тоже нуждаются в поддержке. Я говорю о гастарбайтерах из Турции, Югославии, которые работают у нас чернорабочими — моют посуду в ресторанах, подметают улицы.

Моя школа находится в рабочем районе,— продолжала Аннемария,— где слова «классовая солидарность» всем понятны. К тому же у нас замечательный директор, который помогал мне проводить беседы об апартеиде, вечера дружбы с участием югославских и турецких ребят. Но в других районах, где учатся дети преуспевающих бюргеров, национализм становится серьезной проблемой, он пробуждает у школьников реваншистские настроения. Этим пользуются главари всякого рода «землячеств» и «союзов изгнанных». Я очень много работала, и во время предвыборной кампании у меня оказались большие шансы стать депутатом парламента. Муж, который с первых шагов был моей главной опорой, сказал: «Ты справишься, Аннемария, а мы дома все трое будем тебе помогать!»

Она замолчала, потом, улыбнувшись, прибавила:

— Теперь-то он ворчит — ведь я всякий раз возвращаюсь из Бонна домой очень поздно! А что делать? Ведь нас в парламенте пока что не много, а столько работы!

— Здесь, в Бонне, мне приходилось слышать, что у «зеленых» много эмоций, а реальной конкретной программы нет.

— Что за чепуха! — возмутилась Аннемария.— «Зеленые» имеют программу по всем важнейшим направлениям. Многим она кажется утопической. Мы новички в парламенте, нам трудно, но я уверена в успехе, потому что уже многое получилось! Два года назад, когда мы заговорили о проблемах экологии, нас никто в бундестаге не хотел и слушать. А теперь в этом деле нас поддерживают социал-демократы. Или другой пример. Помню, сама раздавала листовки на улицах с призывом поддержать наше требование, чтобы рабочие работали 35 часов в неделю за ту же зарплату. Люди неохотно брали листовки, говорили, что это нереально. А теперь это включено в программу социал-демократической партии. В Гамбурге, в городском муниципалитете, есть представители партии «зеленых». Они сообщили, что одна химическая фирма производит диоксин, который американцы использовали для производства так называемого «оранжевого дождя». Ядовитые химикаты, запрещенные в нашей стране, экспортируются странам «третьего мира», причем фирма работает так небрежно, что примеси этого яда были обнаружены в молоке у коров. Мы подняли тревогу и добились прекращения производства этого яда.

— Скажите, Аннемария, какие слои населения участвуют в движении «зеленых»?

— Оно очень пестрое по составу: в него ручейками влились женское, крестьянское, экологическое движение. К нам примкнули участники «пасхальных маршей мира», профсоюзная оппозиция, представители интеллигенции и очень много студентов. У молодых ребят с дипломом нет будущего, я это знаю как педагог. Их не устраивает, что нынешнее правительство толкает молодых на передний край своих военных «игр», поэтому они активно поддерживают нашу антивоенную программу.

— Теперь, когда «Першинги-2» уже здесь, у тех, кто участвовал в маршах протеста и блокадах военных баз, появилось некоторое разочарование, ведь так?

— Конечно! Я сама участвовала в блокадах военных баз, и меня даже за это оштрафовали. В марте 1984 года стало ясно: при господине Коле американские ракеты появятся на нашей земле, и мы поняли, что взывать к совести и долгу тех, кто стоит сегодня у власти, бесполезно. Значит, надо искать другие пути. У нас есть такой план: призвать население к бойкоту военного налога, а молодежь — не идти служить в бундесвер.

Аннемария рассказала об интересной встрече с делегацией советской молодежи, которая, как она отметила, была отлично подготовлена к беседе о проблемах разоружения.

— Они нас напрямик спросили: выйдет ли ФРГ из НАТО и какие у «зеленых» есть шансы на будущих выборах?

— И что же вы ответили?

— Мы — за выход из НАТО. Сегодня, когда у власти правое правительство, сомкнувшееся с правыми силами США, наивно ожидать, что наша страна выйдет из НАТО. Но в будущем это реально, если на выборах в 1987 году мы войдем в блок с социал-демократической партией. Пока что за нас голосовало меньше шести процентов населения, а за СДПГ — 44 процента. Получив перевес в голосах, мы сможем обрести реальную власть.

...Глянув на часы, Аннемария заторопилась на поезд. Ведь ей до дома не меньше нескольких часов, а завтра снова напряженный, трудный день.

— Но я не жалуюсь на усталость! Пусть я устану, лишь бы добиться главного — остановить войну, сохранить мирное небо и чистые реки, леса для детей и внуков.

Бонн — Москва.

(Продолжение следует.)

«...ЗАСТАВИТЬ ЧЕЛОВЕКА ЗАБЫТЬ, ЧТО ОН ЧЕЛОВЕК»

Согласно закону о внутренней безопасности, действующему в ЮАР с 1982 года, для того, чтобы посадить человека в тюрьму, достаточно одного подозрения. Особенно если человек этот — черный. В ЮАР люди с темной кожей составляют 98 процентов всех заключенных. Одним из них на протяжении почти пятнадцати лет был Эндрю Машаба. Главное, что властями вменялось ему в вину,— принадлежность к Африканскому национальному конгрессу Южной Африки—основной партии коренного населения ЮАР. Он один из немногих, кому удалось вырваться из расистских застенков.

— ЮАР по числу политических заключенных на тысячу жителей занимает одно из первых мест в мире. Система их содержания здесь основана на постоянном унижении, стремлении заставить человека забыть, что он человек,— рассказывает Эндрю Машаба.— По любому поводу на заключенного обрушивается град побоев.

Во время одного из допросов у Эндрю Машабы был поврежден позвоночник. Однако помощь ему была оказана только несколько суток спустя.

— Лечение было чисто условным,— говорит он.— Доктор делал вид, что внимательно прослушивает мою грудную клетку, а сам даже не удосужился вдеть трубки фонендоскопа себе в уши.

Врач в юаровской тюрьме считается излишней роскошью. Как, впрочем, и нормальная пища, свежая вода и даже место, на котором можно спать.

— В тюрьме на острове Роббен, где мне пришлось провести несколько лет, заключенные спали на полу на тонких войлочных подстилках. Летом мы задыхались в камерах от жары, зимой умирали от холода. Многие страдали ревматизмом. Воду для питья нам привозили на барже с материка, а для всех остальных нужд приходилось довольствоваться дождевой. Еда представляла собой нечто невообразимое. До сих пор не пойму, зачем нужно было замораживать то, что нам давали под видом овсянки. Впрочем, и этот кусок льда удавалось получить не каждый день. За невыполнение нормы — мы работали на каменоломне — нас автоматически лишали пищи. За малейшую провинность — карцер и опять голодная «диета». Однажды меня лишили еды на целый день за то, что я недостаточно поспешно поздоровался с охранником...

Недавно Эндрю Машабе довелось побывать в ГДР и посетить мемориальный комплекс «Заксенхаузен». На территории бывшего фашистского концлагеря он увидел такие же бараки, как и у себя на родине. Даже камень на расположенной неподалеку каменоломне узники лагеря дробили так, как это делается на острове Роббен.

— Посещение «Заксенхаузена» потрясло меня до глубины души. Я воочию убедился, что пытки, которые применяли к заключенным во время второй мировой войны гитлеровские фашисты, мало чем отличаются от пыток в расистских застенках ЮАР. Не один мой товарищ скончался в тюрьме якобы от «сердечного приступа» или был убит «при попытке к бегству». Но как можно убежать из тюрьмы с толстыми стенами, окруженной двойным забором, тюрьмы, стоящей на острове в Атлантическом океане? Во всяком случае с тех пор, как остров Роббен — бывшая колония для прокаженных — был превращен в каторгу особо строгого режима, оттуда не убежал еще никто.

Александр ВОЛКОВ

На снимке: расистский «закон о внутренней безопасности» в действии.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ

Пачки американских долларов, банкноты достоинством в 500 и 1000 афгани грудой свалены на столе. Это фальшивые деньги, которые были продемонстрированы афганским и иностранным журналистам на пресс-конференции в Кабуле, устроенной агентством Бахтар.

— Часть из них,— сказал представитель Национального банка Афганистана А. Сиддики,— изъята из обращения, часть была захвачена во время недавней операции вооруженных сил ДРА против заброшенной из Пакистана террористической банды. Только фальшивой афганской валюты здесь представлено более чем на два миллиона афгани. Но это лишь малая толика того, что засылается в ДРА из Пакистана. Там в местечке Ахора, недалеко от Пешавара, действует типография, выпускающая фальшивые деньги.

То, что ими снабжают проникающих в ДРА диверсантов, было установлено еще во время следствия над арестованным органами безопасности ДРА агентом ЦРУ турком Тургетом Озалом. Сотни долларов, полученных им в качестве аванса за работу по сбору шпионской информации об афганских вооруженных силах, оказались фальшивыми.

Такими же деньгами главари контрреволюционных группировок оплачивали преступления своих подчиненных на афганской земле. Подтверждение этому содержится в попавшем в руки органов безопасности ДРА письме, адресованном Гульбеддину Хекматияру, возглавившему контрреволюционную группировку «Хезбе исламие Афганистан», и подписанном неким Мухамма-

ГЕРОИНОВОЕ

Попадая в Британию по хорошо налаженным, надежным контрабандным путям, наркотики находят подготовленного «потребителя». По данным полиции, первая встреча с героином здесь чаще всего происходит в 20 лет, в том возрасте, когда после окончания школы молодой человек несколько лет ищет и не находит работы, разуверяясь с каждой новой неудачей в себе и своем будущем. Плохо обученные, не имеющие профессиональной подготовки, впавшие в депрессию, молодые англичане представляют собой потенциальных наркоманов. Достаточно одного неосторожного шага...

К этому шагу их подталкивают последствия социальной политики консервативного правительства, с приходом к власти которого совпало начало «героиновой эпидемии». Выражая на словах озабоченность проблемами молодежи, на деле тори демонстрируют свое безразличие к судьбам молодых людей.

...В международном аэропорту Хитроу близ Лондона прибывших с Востока контрабандистов встречают таможенники. У них те же задачи, что и у средневековых кордонов во время чумных эпидемий,— задержать заразу. Но в средние века она проникала через городские ворота не с той легкостью, что ныне. Придя к власти, консерваторы значительно сократили штаты таможенников, и теперь досмотру подвергается только каждый сотый пассажир. По данным профсоюзов, в обеденные часы даже тысячный! Сэкономив на необходимом, тори открыли наркотикам доступ на

ДИВЕРСИЯ

дом Маруфханом, офицером по безопасности Комитета по делам афганских беженцев в Пешаваре.

Но главное назначение фальшивых денег, как явствует из других писем, посланных из штаб-квартир контрреволюционных группировок и захваченных при разгроме банд, состоит в том, чтобы путем распространения их в Афганистане подорвать его экономику. Террористы, чьими руками США и их партнеры вот уже шестой год ведут против ДРА необъявленную войну, нанесли Афганистану ущерб, исчисляемый суммой в 35 миллиардов афгани. Разрушенные ирригационные системы, взорванные школы, больницы, выведенные из строя шахты, линии электропередач — это дело их рук. И тем не менее враги демократического Афганистана не смогли остановить поступательное развитие промышленности и сельского хозяйства ДРА, помешать прогрессивным преобразованиям. Поэтому наряду с необъявленной войной они приступили к осуществлению в широких масштабах валютных диверсий.

«Мы сообщили заинтересованным американским органам о распространении в Афганистане в большом количестве фальшивых долларов, но никакого ответа на этот счет не получено,— сказал представитель банка.— Их молчание наводит на мысль, что печатание в Пакистане фальшивых денег не обошлось без участия американских советников, таких же, что обучают методам ведения подрывных действий афганских контрреволюционеров».

Кабул. **Л. ЯКИМОВИЧ**

ПОКОЛЕНИЕ

«свободный британский рынок», превратив страну в рай для контрабандистов. После таможенников в борьбу с наркоманией, казалось бы, должна вступать полиция. Но правительство ставит перед ней другие задачи. Достаточно вспомнить стены из прозрачных пластиковых щитов вокруг пикетов бастующих шахтеров или вереницы автомобилей с зарешеченными окнами у лагеря сторонниц мира в Гринэм-Коммон. А вот специалистов по борьбе с наркоманией ничтожно мало — в Шотландии, например, их всего 20. Считается, что в Британии от 50 до 140 тысяч наркоманов, точное же число не известно никому.

За годы своего правления тори успели настолько дискредитировать себя в глазах общественности, что теперь вынуждены говорить о «неотложных мерах» борьбы со страшным злом. Предполагается провести кампанию против наркотиков, выделить новые средства... «Эффективность» этих мер прокомментировал один из лидеров парламентариев-лейбористов, Майкл Мичер: «После всех угроз и заверений правительства контрабандисты будут, как и прежде, смеяться по дороге до банка, куда они вкладывают свои доходы за неделю. Их доходы наверняка превышают все средства, ассигнуемые на борьбу с этим бедствием».

Андрей НАЗАРОВ

Материалы подготовлены корреспондентами АПН специально для «Огонька»

КАК ЖИВЕТЕ, БЛИЗНЕЦЫ?

Люди стран социализма

Иоланта БУХАРТОВА-ЛЕЖБИНСКА

Уважаемая редакция!

Несколько лет назад в «Огоньке» была помещена статья о пятерых близнецах из польского города Гданьска, родившихся в семье Рихертов. Было бы интересно узнать о сегодняшнем дне близнецов. Передайте семье сердечный привет от советских людей, а в их лице всему польскому народу пожелания самого наилучшего.

Ваши постоянные читатели — семья Часовских.

Бельцы, МССР.

По просьбе «Огонька» корреспондент польского агентства «Интерпресс» И. Бухартова-Лежбинска побывала в семье Рихертов.

Кажется, не так давно газеты и журналы сообщили: в Польше родились пять близнецов. Сегодня Эве, Агнешке, Адаму, Роману и Петру уже 13 лет. С самого рождения им сопутствовала слава. Страна живо интересовалась, как растут и прибавляют в весе малыши. Все пятеро скромные, симпатичные ребята. Они очень разные, даже трудно поверить, что это родня. Близнецы отличаются не только внешне, но также и способностями, отношением к занятиям.

По общему мнению педагогического коллектива, меньше всего причиняет хлопот Эва, больше всего — Агнешка: у нее был период трудных отношений с математикой и физикой. Ромек — весельчак, душа каждой школьной экскурсии, заводила в игре. Дома и в школе его отличает педантичность. В его комнате каждая мелочь имеет свое место. У Адама «золотые руки», он погружен в мир техники, увлекается технической литературой. Не так давно они с Ромкой построили ракету. Петр, пожалуй, самый тихий в этом шумном семействе.

Как и все дети, Рихертовы очень подвижны и вездесущи, вникают в школьные дела, принимают активное участие в общественной жизни.

Психолог доктор Янина Богданович, которая с дошкольного возраста наблюдает за пятеркой, считает, что с каждым годом все отчетливее дети приобретают свои индивидуальности. Они не хотят носить одинаковую одежду, и каждый из них во что бы то ни стало старается подчеркнуть свою оригинальность.

Случается, когда пишут сочинение на одну и ту же тему, дети просят маму помочь сформулировать какое-то предложение, но каждый стремится, чтобы его предложение было не таким, как у остальных.

Пока в красивый, просторный дом на улице Дубовой, который семья Рихертов построила при огромной помощи государства, не вернулись из школы ребята, разговариваю с мамой Леокадией. Трудно поверить, что эта маленькая, аккуратно причесанная женщина сумела вынести на своих плечах все трудности. До рождения пяти близнецов супруги Рихерт уже имели двух сыновей, семилетнего Кристофера и шестилетнего Януша. Самые маленькие часто болели. Приходилось каждому отдельно готовить еду, давать лекарство. Со дня рождения дети находятся под наблюдением профессора Марии Каминской из Гданьской медицинской академии. Она приходит на помощь в любую пору дня и ночи.

«Вторым домом» для пятерки стал санаторий в Рапце. Ежегодно они там проводят два месяца, дышат горным воздухом, а в их родном доме временно наступает тишина.

Ребята чувствуют себя ответственными за дом и хозяйство. В кухне висит график, который напоминает забывчивым, кто и когда моет посуду. В субботу вся семья проводит уборку, ребята помогают печь пироги. В их комнатах идеальный порядок. В этом отношении мать неумолима. Дети воспитаны в строгости. Каждый член семьи выполняет свои обязанности точно и аккуратно, включая отца — сержанта Бронислава Рихерта. В воскресенье он готовит праздничный обед. На нем лежит и забота об автомобиле «Ныса», полученном в подарок от командования летной части, в которой он служит.

Эва, Агнешка, Роман, Адам и Петр в 13 лет.

Внимательно присматриваюсь к самозабвенной женщине, на которую падает основная тяжесть воспитания детей. Мать считает, что если она родила детей, о которых знает мир, то должна их так воспитать, чтобы ими гордилась страна, стремится к тому, чтобы ее дети выросли образованными, культурными людьми. Когда школа организует коллективный поход в театр, обычно идет и семья Рихертов. Ледницкая фабрика музыкальных инструментов подарила им пианино. Мать решила учить детей музыке, и теперь два раза в год они выступают перед родителями в концерте.

Гданьск.

ПРЕДЛАГАЕТ «ФЕРРОКЕМИА»

«Как ни увеличивался бы ассортимент необходимых в хозяйстве мелочей, за спросом на них угнаться трудно»,— слышал я от многих людей в Венгрии. Еще несколько лет назад названия тех же стиральных порошков легко запоминались, не особенно большим был их выбор. Но вот что получается: одной хозяйке подавай порошок-универсал, на все случаи жизни, другая попросит отдельный для хлопка, для синтетики или шерсти. Мыло выбирают сейчас по аромату — кому роза, а кому лаванда или гвоздика... Ориентировать химические комбинаты-гиганты на производство продукции десятков (если не сотен!) наименований не всегда экономически оправданно. Не лучше ли будет, если займутся они поставками сырья, а заботы о мелочах, точнее, об ассортименте мелочей, лягут на плечи сравнительно небольших производственных единиц — кооперативов? Ныне их роль значительна в решении вопросов повышения уровня и качества жизни трудящихся народной Венгрии.

...Кооператив «Феррокемиа», действующий не только в масштабах республики, сравнительно молодой и, значит, предприимчивый. Его товарный знак хорошо известен покупателям наряду с марками лучших столичных предприятий. Вместе с директором «Феррокемии» Петером Сабо мы прошли по чистым, ухоженным цехам, научно-исследовательским лабораториям. Условия труда в них соответствуют сегодняшним возможностям в области химического производства. Все это плюс довольно высокая заработная плата и является теми стимулами, которые привлекают на работу в кооператив выпускников высших учебных заведений.

— Угнаться за «модой» на разные бытовые мелочи мало кому удается,— рассказал Петер Сабо.— Поэтому основным принципом деятельности мы избрали опережение спроса; покупателям постоянно предлагаются новинки, которые и воспринимаются как модные. А опередить спрос — значит полностью ликвидировать дефицит. Например, с появлением шампуня словно забыли о традиционном способе мытья головы мылом! — улыбается директор.— Что греха таить, многих привлекает не столько содержимое флакона, сколько яркая, броская упаковка. Побочные эффекты от слишком рьяного увлечения химией не заставили себя долго ждать. Наше мнение таково: в скором будущем мода на химию поугаснет, зато резко увеличится спрос на натуральные компоненты. Новинкой кооператива является шампунь «Патиентиа», разработанный на основе натуральных растительных экстрактов. После того, как его продемонстрировали на ряде международных выставок и ярмарок, заявки поступили к нам из Австрии, ФРГ, Франции, Японии и других стран...

Одна из сторон деятельности «Феррокемии» — помощь тем, кто решил своими руками сделать ремонт в квартире. Подклеить кафельную плитку, привести в порядок паркет, обойтись без гвоздей при починке стульев или мебели позволят универсальные клеи. Они не боятся воды, быстро застывают, не оставляя подтеков и следов. Клей «Техноколрапид» годится для тонких листов бумаги, но, если потребуется — крепко сцепит металлические поверхности. Широк выбор лаков, красок, защитных составов. Инженер-технолог Марта Бан рассказала о наступлении на ржавчину — бич нашего времени. Она показала мне две трубы, вынутые из грунта, на одной — толстый слой ржавчины, другая почти чистая. Если обработать специальным составом уже тронутые коррозией изделия, можно продлить им жизнь. Главное при этом — дешевизна. Закупавшиеся ранее на капиталистическом рынке защитные смеси были дорогими, продукт собственного производства не уступает им, зато в несколько раз дешевле!

— А это из разряда маленьких сенсаций,— Марта берет в руки лоскуток кожи.— Молодой изобретатель Ласло Ромхани придумал, как использовать кожицу куриных ног, долгое время шедшую в отходы пищевой промышленности. После специальной обработки эти лоскутки ничем не уступают особо ценимой в мире крокодиловой и змеиной коже. Пока что из нее мы делаем ремешки для часов, ремни. А в недалеком будущем в магазинах появятся одежда из нее, сумки, детская обувь...

Владимир КОВАЛЕВ

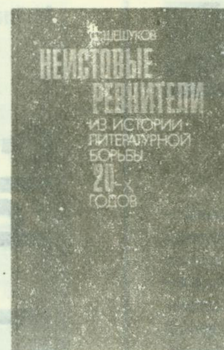
Будапешт — Москва.

Красивые декоративные растения выращивают в оранжереях работники садоводческого кооператива в Сомбатхее. Цветочные композиции, помещенные в флорариумы (сделанные по типу аквариумов), являются предметом венгерского экспорта в другие страны.

Фото МТИ — ТАСС

среди книг

ПУТЬ СТАНОВЛЕНИЯ

Как известно, в 20-е годы процесс развития советского искусства и литературы происходил в сложных условиях классовой и идеологической борьбы. Особо остро она развернулась между литературными группировками и внутри групп. У каждой из них была своя творческая платформа. В получившей заслуженный успех у читателей книге «Неистовые ревнители» С. И. Шешукова (чему свидетельство второе издание) с помощью неизвестных или малоизвестных архивных материалов, а также благодаря широкому использованию периодической печати тех лет впервые объемно освещается деятельность литературных группировок. Среди них — Леф «Перевал», Литературный центр конструктивистов, Союз крестьянских писателей и в особенности РАПП — Российская ассоциация пролетарских писателей, в которую вошли «Октябрь», «Молодая гвардия», «Напостовская смена», «Кузница». В книге С. И. Шешукова прежде всего подкупает стремление исследователя обосновать каждый литературный факт, проанализировать и обобщить идейно-эстетические концепции и разнообразные тенденции литературной борьбы 20-х годов. Но прежде всего заслуга С. И. Шешукова в том, что им досконально, с глубоко партийных позиций исследована история РАПП, которая «превратилась в широкое, подлинно массовое движение». В рядах РАПП находились такие выдающиеся писатели, как А. Серафимович, Д. Бедный, Дм. Фурманов и А. Фадеев. Дм. Фурманову и А. Фадееву принадлежит особая роль в руководстве ассоциацией. Первый этап литературного движения автор «Неистовых ревнителей» называет фурмановским, второй — фадеевским.

Дмитрий Фурманов, отмечает исследователь, проявил много разумной энергии. Он решительно боролся за линию партии в литературе. «Его основные идеи,— приходит к выводу С. И. Шешуков,— оказались настолько плодотворными, глубоко жизненными, подлинно партийными, что не потеряли значения и до сих пор, хотя в те годы далеко не все, за что дрался Фурманов, было реализовано в практике пролетарского литературного движения».

Продолжателем боевых традиций Дм. Фурманова явился А. Фадеев. С 1926 года он стал во главе пролетарского литературного движения.

Страницы о Фадееве — художнике и организаторе — написаны живо, увлекательно, страстно. Глубокое изучение творчества А. Фадеева в связи с утверждением искусства социалистического реализма, призванного отразить величие революционной эпохи, проведенное ученым, значительно расширяет и обогащает наше представление об облике одного из самых талантливых советских писателей, о преемственности классических традиций, о подлинном новаторстве тех художников, которые шли по главному направлению, определенному политикой партии.

В «Неистовых ревнителях» впервые подробно и конкретно опровергается существование ошибочного мнения, что только в последний период своей деятельности РАПП превратилась в тормоз для развития советской литературы. Исследователь убедительно показал, что серьезные ошибки возникли давно, а в последний период они становились все более заметными, очевидными, бросались в глаза общественности, потому что сама жизнь и обстановка в литературе изменились. Серьезную опасность для строительства социалистической культуры представляла теория нигилистического отношения к достижениям классиков отечественной и мировой культуры. В частности, грубым рапповским нападкам подвергались такие крупнейшие советские писатели, как Горький, Маяковский, Есенин, Сергеев-Ценский, А. Толстой, Шолохов, Л. Леонов.

И потому, естественно, в жизни РАПП наступил кризис. Рапповцы замкнулись в кругу узкокастовых интересов, а их методы руководства тогда уже были осуждены А. Серафимовичем и другими наиболее талантливыми пролетарскими писателями. С мая 1930 года в недрах РАПП вспыхнула ожесточенная борьба.

Раскрывая всю серьезность и опасность рапповских ошибок, против которых на первом этапе активно боролся Дм. Фурманов, а на втором этапе выступили крупнейшие советские писатели, С. И. Шешуков разоблачил вред теоретических заблуждений рапповцев. В книге приведена характеристика, удачно данная Ю. Либединским своим бывшим коллегам —«неистовым ревнителям пролетарской чистоты», которые защищали ее «с такой яростью, что дай им волю — и нежные ростки будущего советского искусства были бы выполоты начисто!».

Главным достоинством книги «Неистовые ревнители» является то, что в ней на живом фактическом материале, глубоко аргументированно показано основополагающее значение теоретического наследия В. И. Ленина в формировании и развитии идейно-художественных принципов советской литературы. Заветы В. И. Ленина о строительстве социалистической культуры нашли отражение в последующих партийных документах по вопросам литературы и искусства, включая и историческое постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», которое ознаменовало качественно новый период развития советской литературы. РАПП и другие литературные группы было решено ликвидировать, а всех писателей, поддерживающих платформу Советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, объединить в единую писательскую организацию. Так начиналась история создания единого Союза советских писателей, 50-летие которого торжественно отметила страна в августе 1984 года.

Алексей МИГУНОВ

С. Шешуков. «Неистовые ревнители». Из истории литературной борьбы 20-х годов. Издание второе. М., «Художественная литература». 1984. 351 с.

Диего Веласкес. 1599—1660. ПОРТРЕТ МОЛОДОГО ДВОРЯНИНА. *Между 1623—1630.* Старая Пинакотека. Мюнхен.

Герард Терборх. 1617—1681. МАЛЬЧИК, ИЩУЩИЙ БЛОХ У СОБАКИ. Около 1675.

Старая Пинакотека. Мюнхен.

Опыт формирования плана на XII пятилетку снизу, начиная с бригады, участка, цеха * Система мобилизации внутренних резервов действует безотказно * Достижения науки и техники — производству! * Как преодолеть психологический барьер!

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
фото Геннадия КОПОСОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

СВЕРДЛОВСК. «УРАЛХИММАШ». ГОД 1990-й

Что бы вы сказали о человеке, который в двадцатиградусный мороз становится на лыжи и идет в Уктусские горы? Не на полчасика, а до утра, с рюкзаком за плечами, в котором и картошка для костра и наряд для заранее облюбованной елки. А если этот человек женщина, и — да поклонимся ей — не первой молодости? Именно таким образом Нина Тимофеевна Безкоровайная встречала обычно Новый год, как и тот, канувший уже в историю 1984-й, который оказался для нее самой, для спутников и спутниц ее столь памятным и знаменательным.

Можно, конечно, предположить, что все они заядлые туристы, и безразлично пожать плечами: «Каждому свое». А мне тут видится молодость духа, мироощущение человека, проникнутого идеями и чувствами, его возвышающими. Романтики... Впрочем, в тот, прошлый год их награждали несколько иными эпитетами: фантазеры, утописты и... даже авантюристы. Не за туристические, разумеется, путешествия.

Совсем недавно, в нынешнее предновогодье, выступала Н. Т. Безкоровайная (назовем ее должность: заместитель главного инженера свердловского объединения «Уралхиммаш») на районном совещании. Рассказывала о плане, разработанном родным коллективом на двенадцатую пятилетку. Слушали ее внимательно, и нет-нет мелькали уголками губ ухмылки. «Пой, мол, пташечка, пой... Красиво у тебя получается, а вот как все на деле обернется?»

— Напрасно, товарищи, сомневаетесь,— немедленно отреагировала докладчица прямо с трибуны на иронические улыбки скептиков.— Вспомните, когда поступил к вам план одиннадцатой? Через полтора года после ее начала. Нынче план придет пораньше, но пока станете обсуждать и раскачиваться, мы-то уже будем свой выполнять. Время работает на нас. Выигрываем по меньшей мере год.— И пошла с этими словами на свое место.

К Безкоровайной тут же подсели директора других заводов, засыпали вопросами.

— Вот видишь,— говорил один своему экономисту,— они через свое министерство пробились, а мы...

Так ведь всегда бывает, когда творится новое: находятся и союзники-оптимисты, уверенные в победе, и пессимисты, фомы неверующие и даже явные противники.

Было все так. Год назад по заводу ходил министр Константин Иванович Брехов. Он не был здесь семь лет и с удовлетворением отмечал перемены. Внушителен новый корпус реакторов, на стенде очередной «миллионник» для Чернобыльской атомной электростанции. Успешно налажено производство шаровых кранов для магистральных газопроводов Севера. Уникален цех рулонированных сосудов с бетатронами для их просвечивания. Особенно порадовало Брехова производство агрегатов для выпуска минеральных удобрений. Задание было выдано совсем недавно — на календаре всего лишь третье января,— а все оборудование загружено полностью, везде чувствуется боевой настрой. Да, это ведущее в отрасли предприятие работает стабильно, оправдывает надежды министерства. Способно на большие дела, ему можно многое поручить.

Точку зрения министра полностью разделял обком партии.

— Мы с Минхиммашем решили, так сказать, сыграть на самолюбии творческого, интересного коллектива. Дело в том, что план XI пятилетки в целом по области мы получили от Совмина РСФСР в августе 1982 года, когда заканчивался второй год. Вот мы и предложили: сформируйте «свой» план на двенадцатую пятилетку, но максимальный по темпам роста и эффективности,— так излагал задачу, поставленную перед «Уралхиммашем», первый секретарь обкома КПСС Борис Николаевич Ельцин в своем выступлении на Всесоюзной научно-практической конференции в Москве.

ДОВЕРИЕ

Такая задача пришлась по сердцу уралхиммашевцам — вдохновляла и окрыляла доверием, масштабами предстоящего. Это показала высокая активность выступавших на партийно-хозяйственном активе. Никого не смутило, что не было в практике подобного прецедента, не у кого было позаимствовать опыт. Ведь им еще не представлялась возможность самим решать свою судьбу на столь длительный срок — на 1985-й и **на годы двенадцатой пятилетки.**

Задача осложнялась еще и тем, что здесь не массовое производство мотоциклов, допустим, или грузовиков, а мелкосерийное, даже индивидуальное, по отдельным заказам, предвидеть которые иногда просто невозможно. Что потребуется тогда стране? Этого «Уралхиммаш» не знает. Значит, нужно заслать своих разведчиков в проектные институты, министерства, к постоянным клиентам — заводам — потребителям оборудования, а потом и к поставщикам металла и материалов.

Однако не с этого начинали руководители завода, энергично взявшиеся за осуществление невиданно высокой задачи, поставленной перед коллективом.

— Мы начинали с разработки мероприятий по интенсификации производства и внедрению новейших достижений научно-технического прогресса, экономического и социального развития каждого цеха и службы, а в цехе соответственно каждого участка и даже бригады. Вот оттуда, «с низов», все и пошло.

В руках секретаря парткома Виталия Ивановича Санникова тоненькая книжица из зеленоватой бумаги, всего двадцать страничек под названием «Совместное постановление дирекции, партийного, профсоюзного и комсомольского комитетов». В ней поименные списки творческих бригад, созданные для разработки этих мероприятий в каждом подразделении. Рядом с фамилиями руководителей, партийных и общественных работников — фамилии бригадиров. Срок окончания коллективного поиска задали сами себе чрезвычайно жесткий: всего лишь три месяца — I квартал 1984 года.

Вышла книжица в свет весьма оперативно. Специалисты меж тем уже успели побывать в своем, химического машиностроения министерстве, и там при первых же их шагах не обошлось без курьезов. В некоторых главках немало удивились появлению свердловчан, и полудружеский разговор носил примерно такой характер: «Вы чего, ребята, затеяли? Кому вы тут нужны? Мы знать ничего не знаем...» Но «ребята» не спасовали. Вскоре сам министр позаботился о том, чтоб им создали обстановку наибольшего благоприятствования и предоставили материалы, их интересующие. Впоследствии уже сами начальники управлений и специалисты министерства приезжали в Свердловск для согласования главных направлений.

Да что говорить про министерство—сомневающиеся находились даже в своем коллективе, жившем в те месяцы в бурном, учащенном ритме. Встречи инженеров с рабочими по профессиям не походили на совещания, это были скорее собеседования, советы специалистов с асами своего дела. А еще обмен мнениями с рационализаторами и изобретателями, открытые партийные собрания на участках... В каждом цехе поступали сотни дельных предложений.

И все же случалось... Приглашает, например, партком творческую бригаду такого-то цеха. Но его начальник не является, посылает кого-нибудь вместо себя: «А что мне там делать? Это когда еще будет! В двенадцатой! А нам бы с одиннадцатой разделаться!» Значит, не дорос он еще, не поднялся до осознания важности происходящего. Приходилось парткому поправлять, воспитывать таких руководителей. Другие, наоборот, сами обращались в партком. В цехе, выпускающем технологические

Секретарь парткома завода В. И. Санников (в центре) в бригаде Н. И. Новиченкова свой человек (крайний справа—бригадир).

И будет еще один дом в поселке...

Приятен после цеховой сауны чай, настоянный на травах...

Этот магазин прямо на заводе...

Кто придет первым!

линии по производству синтетического каучука, ваккум-фильтры и другую тяжелую химическую аппаратуру, сочли возможным увеличить объем выпускаемой продукции в 1990 году на 56 процентов и примерно на столько же поднять производительность труда, что намного выше, чем по объединению в целом. Но для этого надо организовать на имеющихся площадях новые участки. При обсуждении, или, как здесь говорят, при защите плана, некоторые предложения цеха были отклонены. Тогда начальник цеха И. С. Ерохин настоял на рассмотрении плана на заседании бюро парткома и нашел тут полную поддержку. В то же время парткому приходилось иногда кое-кого и «приземлять» или отказываться от мелочей.

НЕ НА ПУСТОМ МЕСТЕ

— Однако рождались цеховые пятилетки, а потом и всего объединения не на пустом месте,— говорит В. И. Санников.— Мы уже имели готовую базу-систему мобилизации и использования внутрипроизводственных резервов, созданную семь лет назад и успешно действующую до сих пор.

В чем ее суть? На первый взгляд мы тут не открыли ничего нового. Средства повышения производительности труда общеизвестны: сокращение потерь рабочего времени, простоев оборудования, текучести кадров, внедрения новых технологических процессов, совершенствование организации труда и управления... Мы идем по тридцати направлениям. Но каким образом? Поясню на конкретном примере. 1982 год был для нас годом серьезнейших испытаний. Объединение получило заказ государственной важности (ввиду эмбарго, наложенного США) — срочно освоить производство шаровых кранов для магистральных газопроводов самого большого диаметра «1400», прежде всего для линии Уренгой — Помары — Ужгород, частично — в северном исполнении. Каждый такой «краник» весит сорок пять тонн. Не было ничего: ни опыта, ни специального оборудования, не хватало станочников, а они понадобились прежде всего. Этот год мы и объявили годом станочника.

Усилия всех коллективов были сосредоточены на оказании им помощи. Конструкторы пересматривали чертежи, технологи заключали со станочниками договоры содружества, инженеры дежурили на рабочих местах, оперативно решали возникавшие вопросы, литейщики уменьшили припуска, котельщики повысили точность заготовок, технологи ломали головы над приспособлениями и инструментами. Вот тогда и родились формы творческого содружества, на основе которых мы создали свои творческие бригады по формированию плана следующего пятилетия. Что же касается станочников, то поиск резервов привел нас к большому кругу организационных, кадровых и социальных проблем. Пришлось даже выделить только для них, станочников, один из строящихся жилых домов. Пересмотрели виды поощрений и льгот, позаботились об отдыхе и оздоровлении труда. Кстати, нашу вечернюю лыжню не видели? Непременно побывайте, там всегда многолюдно.

Санников, к слову сказать, отличнейший лыжник, скороход и любитель встречи Нового года в походе.

— В результате,— продолжал он,— в то время, когда престижность профессии станочника везде падала, у нас количество станочников увеличилось примерно на семьдесят карусельщиков, токарей, фрезеровщиков. Объем механической обработки без ввода новых мощностей возрос на 240 тысяч нормо-часов, что равно мощности нашего крупного механического цеха. Весной 1983 года мы рапортовали: есть сотый кран, а в 1984 году сделали 155. Этот пример показал, что все проблемы изыскания резервов, технического перевооружения и социального развития надо решать комплексно и только комплексно! Надеюсь, что наша система окажется весьма актуальной и в годы двенадцатой пятилетки.

— И все же во многом мы шли ощупью. Торили неизведанные дорожки,— продолжила рассказ о формировании плана на 1985—1990 годы Н. Т. Безкоровайная. Ей, заместителю главного инженера по перспективному развитию, казалось бы, все карты в руки. Но на самом деле было иначе.— Мы не имели никаких методик, не знали, в какую форму все наши наметки облечь. Поехали в Уралгипротяжмаш знакомиться с его разработками по реконструкции «Уралмаша» на перспективу. Коечто взяли от них.

Только, пожалуй, Безкоровайная да главный технолог К. И. Дудка знают — они скромно называют себя писарями-штабистами,— поскольку раз приходилось возвращать на доработку проекты планов цехов и служб, трудно было их скоординировать, состыковать. Сколько раз ездили советоваться в обком партии, там подсказывали: «Усильте позиции по созданию собственной сельскохозяйственной базы и социальному развитию». А какие баталии разыгрывались в светло-голубом кабинете Безкоровайной, прозванном штабом, как он бывал битком набит! Спорили. Бранились. Разнервничавшись, выходили в коридор покурить и снова возвращались. Не хватало дня и вечера — решали продолжать обсуждение в выходной. И приходили все как один. Энергии и оптимизма им было не занимать!

Мы не станем утомлять читателя описанием всех этапов рождения плана. Скажем лишь, что при первом его прочтении в Москве министерство внесло свои коррективы, предложило повысить технико-экономические показатели. На это и на согласование с местными Советами и строителями ушло еще три месяца. Наконец, все как будто утрясено, сведено воедино, отредактировано. Даже переплетено в коричневые корочки. 28 увесистых томов. 23 из них цеховые. Безкоровайная никому не доверила везти их в Москву — несла к самолету сама. Планшеты? Это пожалуйста: огромные рулоны, которые потом были развешаны в зале заседаний коллегии министерства, тащили мужчины.

А в августе во второй раз приехал в Свердловск министр. Не один. В сопровождении своих заместителей, директоров заводов и институтов. Кое-кто из гостей заранее был настроен скептически и ехал сюда с тем, чтобы убедиться в несостоятельности и провале «затеи», «авантюры» уралхиммашевцев. Но вот, разбившись на небольшие группы «по интересам», рассредоточились по цехам. Вчитывались в цифры на стендах. Задавали хитрые, порой с подвохом вопросы и, обескураженные, ретировались. «Мы, откровенно говоря, не верили, что у них получится». Ехал сюда с явным предубеждением и Банников, директор Пензенского химмаша, но вскоре изменил свое мнение: «Я убедился в том, что и у себя можно было бы замахнуться на такое».

И все же... Все же у Б. Н. Ельцина, первого секретаря обкома КПСС, выступившего в те же августовские дни на партийно-хозяйственном активе объединения, были существенные замечания к плану. Пристально следивший за его формированием, Борис Николаевич остановился на слабых его сторонах, которые были потом доработаны. Это относилось прежде всего к улучшению условий труда, созданию в цехах оздоровительных комплексов и комнат психологической разгрузки; более энергичному внедрению гибких переналаживаемых технологических линий и роботизации; обратил первый секретарь внимание на то, что еще много малочисленных бригад, которые надо превращать в коллективы, способные нести ответственность не только за трудовую, но и общественную дисциплину.

И снова в план, точнее, в самую жизнь, были внесены поправки. Создан новый отдел механизации, автоматизации и роботизации, ему будет придан цех. Вряд ли, однако, процесс улучшения на том и ограничится: он же творческий, а потому и не имеет конца.

В ноябре на заводе прошел семинар партийных, советских и хозяйственных работников всей области. И снова хозяев засыпали вопросами примерно такого содержания: «Вы уверены в том, что сможете осилить то, что наметили?..».

Время покажет, а оно ведь уже работает на них.

На какие же рубежи, дерзко оседлав мечту, решил подняться «Уралхиммаш»?

Генеральный директор, Герой Социалистического Труда, доктор технических наук В. М. Макаров на недавней, в декабре, встрече с комсомольцами объединения привел цифры, которые тут же оговорил как «невероятные, которых у нас еще не было никогда»:

ПРИРОСТ ОБЪЕМОВ ПРОИЗВОДСТВА В 1990 ГОДУ СОСТАВИТ ПО ОТНОШЕНИЮ К 1985 ГОДУ 44,5 ПРОЦЕНТА.

РОСТ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА — 44,2 ПРОЦЕНТА, ЧТО В ТРИ РАЗА ПРЕВЫШАЕТ ПОКАЗАТЕЛИ ПО ТЕМПАМ РОСТА ОДИННАДЦАТОЙ ПЯТИЛЕТКИ И БУДЕТ ДОСТИГНУТ БЕЗ УВЕЛИЧЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ РАБОТАЮЩИХ.

То есть практически к существующему объединению как бы прибавится почти что половина «Уралхиммаша». Применение достижений науки и техники (у завода давнишние связи с институтами Уральского научного центра, имени Патона, Москвы, Ленинграда и Иркутска) позволит создать и освоить выпуск 50 высокопроизводительных и надежных аппаратов и машин.

— Все это,— закончил генеральный директор,— после того, как обрисовал социальную программу развития поселка,— родилось в ваших цехах, на участках, в бригадах, на рабочих местах.

Как же двенадцатая пятилетка отразится в жизни изначальной ячейки производственного коллектива — конкретной бригады? Хотя бы той, от имени которой выступал на встрече молодой котельщик Александр Васильев?

БРИГАДИР НОВИЧЕНКОВ: «ПЕРЕБОРЕМ!»

Цех № 40 впечатляет: слепящие сполохи сварочных аппаратов, бенгальские россыпи из-под зачистных машинок котельщиков. Над ними, подхваченное двумя мостовыми кранами, громадной каракатицей проплывает нечто округлое, со щупальцами. Эта «деталь» — часть испарительной установки по опреснению морской воды для Народной Демократической Республики Йемен. Сборку ее и ведет бригада Новиченкова, в которой работает Александр Васильев. Узнаем, что бригада эта непростая, а замкнутого цикла, комплексная, хозрасчетная и заняла весь, на четверть километра, пролет. В общем, бригада-участок.

Авторитетен и бригадир: трижды орденоносец. Участвовал в изготовлении реакторов для Белоярской, Ленинградской и Игналинской атомных электростанций, а потом его бригада в полном составе — 15 человек — была переведена в этот цех. Сейчас в ней около 60 человек.

Посредине участка бригадный «красный угол» с вымпелами, дипломами и грамотами. Тут же лозунг — рубежи двенадцатой пятилетки: поднять производительность труда на 61,9 процента. Намного выше, чем по объединению и даже по цеху.

— За счет чего? — спрашиваю у бригадира. Он высок, худощав, русый хохолок на макушке.— За счет технического перевооружения?

— Не только. Будут, конечно, манипуляторы, малая механизация, технология улучшится. Но я считаю, что практически неисчерпаемы наши внутренние резервы.

И поведал мне историю, красочно дополненную позже старшим экономистом цеха Л. А. Ратковской и старшим мастером Р. В. Лепуновым.

Раньше на участке было две бригады: котельщиков Новиченкова и сварщиков-ручников Бачурина. Сварщики считали себя лидерами, этакими асами, на сборке ведь без них не обойтись. Да и разряд у них повыше. Небольшую работу, мелочовку обходили, выжидали. Себя берегли. Нужно котельщику что-нибудь приварить — бежит к начальнику смены, просит, чтобы распорядился. Но уж когда начиналась большая работа и сроки наступали на пятки, у сварщиков начиналось оживление. Тут они готовы днем и ночью, лишь бы платили сверхурочные.

— Да вы советские люди-то? — не выдержал однажды коммунист Новиченков, человек он горячий.— Рвачи — вот кто вы такие!

Ему давно стало ясно, что необходимо объединить обе бригады. Только при этом условии можно избежать разнобоя и простоев. Однако и в этом цехе имелись, как везде, осторожные пессимисты и ироничные скептики. Они сочли идею преждевременной. Но Новиченков настаивал и,

когда началась прикидка на двенадцатую пятилетку, понял, что заветный час пробил. Бригадира поддержал партком завода. Бригада сварщиков стала звеном в общем коллективе. Не всем это понравилось, особенно Петру Бачурину. Быть звеньевым он отказался, перешел в рядовые. Сварщики морщились от строгой дисциплины, налаженной в бригаде,— у Новиченкова никто не сидел без дела, царила взаимовыручка и другие неписаные законы товарищества, требователен и сам бригадир. Через месяц укрупненная бригада распалась, асы не пожелали отказаться от своего лидерства. Но маляры, крановые и другие рабочие участка, которых привлек Новиченков в бригаду одновременно со сварщиками, остались.

Итак, конфликт был налицо? Скептики и пессимисты торжествовали, а реформаторы посрамлены и сложили оружие? Отнюдь! Николай Иванович Новиченков не из тех, кто сдается. Этот неразговорчивый человек, оказывается, стратег! Его бригада начинает искать резервы и находит их. Прежде всего вторые профессии, чтоб была взаимозаменяемость.

— Ты хочешь стать котельщиком? — спрашивает бригадир у новенького, Эдуарда Штукатурова.— Очень хорошо. Но мы тебя обучим и на газорезчика и на стропаля. Чтоб умел и то, и другое и соседу чтоб подсоблял.

Следующий этап — освоение самой профессии сварщика-ручника. Это посложнее, надо сначала изучить теорию. Без отрыва от производства, конечно. В этом деле много хитростей. После теории начнется практика, будет стажировка.

Сварщики забеспокоились: «Так мы можем в один прекрасный день остаться без работы». А когда узнали, что сверхурочных не будет, и вовсе нервы у них сдали. Стали поговаривать, что, может, лучше вернуться к Новиченкову. По осени сами попросились в бригаду.

Тогда Новиченков преподнес еще один сюрприз: стал собирать группу сварщиков для переподготовки на сварщиков-автоматчиков. Стоят на участке стенды для автоматической сварки, но в бригаде нет специалистов. Теперь будут свои. Разве это не могучий резерв для увеличения производительности труда? Многие сварщики согласились, но не Бачурин и не Братов, который стал звеньевым. Для них, мол, и так работы хватит.

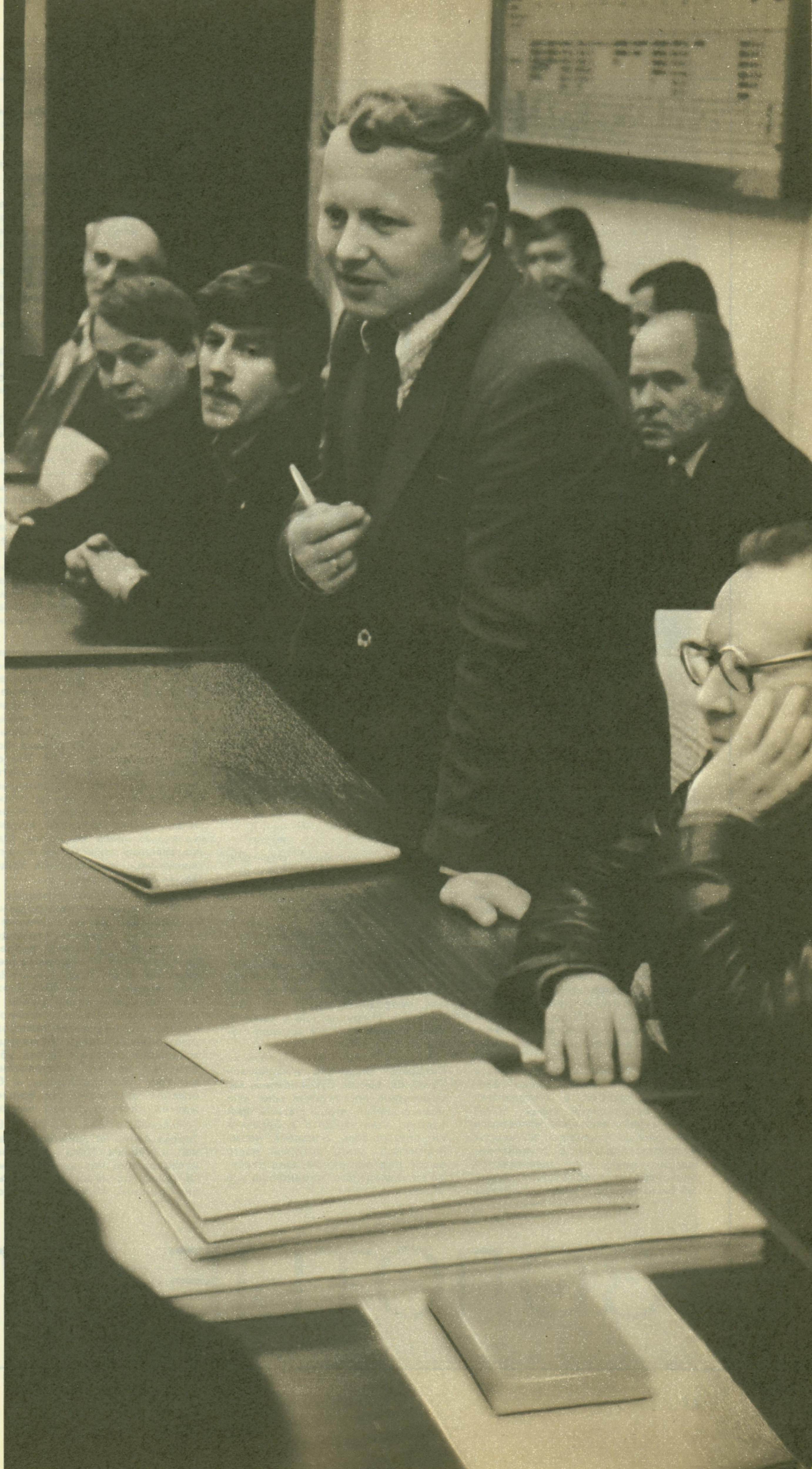
Новиченков оптимист и в чем-то даже романтик. Очень любит природу, он и лыжник и охотник. И верит в начала добра, заложенные в человеке.

— Переборем! Поймут в конце концов, что нельзя так жить. Переборем!

1985 год уйдет, по его прогнозам, на «притирку», на преодоление психологического барьера несовместимости и гонора. А уж в двенадцатую войдут они дружно и дружно налягут на овладение всем, что сулит им техника.

Мы тоже верим, что так и будет. Потому что правда на стороне Новиченкова.

На календаре бригады Новиченкова по всем показателям октябрь последнего года одиннадцатой. Время работает на него и на таких, как он, людей.

У генерального директора на защите обязательств.

Академик Н. П. Бехтерева. Фото Ю. Щенникова.

ЗОЛОТЫЕ ЭЛЕКТР

А. РЫЛОВ

Поздний вечер, и большинство сотрудников Института экспериментальной медицины, который возглавляет академик Н. П. Бехтерева, уже дома, ужинают, смотрят телевизор, читают, отдыхают от дневных забот. Наталия Петровна тоже устала, но днем за две недели моей командировки в Ленинград нам никак не удавалось поговорить наедине: обязанности ученого и директора многочисленны. Я знакомился с исследованиями лабораторий, расспрашивал коллег Наталии Петровны о ее работе.

Очень непросто складывалась судьба академика Бехтеревой. Безоблачное детство в интеллигентной, обеспеченной семье. Наташа — внучка всемирно известного физиолога, психиатра и невропатолога Владимира Михайловича Бехтерева, дочь талантливого инженера и изобретателя. Когда ей было три года, умер дед. Затем трагически погибли родители. Школу девочка заканчивала в детдоме. И сразу — война. Блокадный Ленинград. Наталия Петровна прожила со своим городом самую тяжелую в его истории зиму 1941/42 года.

Она тогда училась на первом курсе мединститута, ночами дежурила в госпитале. Студенческий хлебный паек в 120 граммов. Лекция, прерванная смертью преподавателя. И группа, где с каждым днем становилось все меньше студентов...

Бывший однокурсник Наталии Петровны Владимир Михайлович Смирнов, сейчас руководитель лаборатории, рассказывал мне: «Не помню случая, чтобы Наташа пропустила занятия, хотя добираться ей приходилось издалека, через Кировский мост, который часто бывал под обстрелом. Она никогда не жаловалась, переносила все стойко».

В юности Наталия Петровна мечтала заниматься техникой, как ее отец. Тогда почему же она пошла в медицинский?

— Стране нужны были врачи, в первую очередь на фронте,— отвечает Наталия Петровна.

Но фронты Великой Отечественной войны стянулись к Берлину раньше, чем она стала врачом. Свой же «фронт» академик Бехтерева нашла в институте мозга, носящем имя ее деда В. М. Бехтерева. Здесь она продолжила школу русских физиологов — перешла от экспериментов над животными к изучению человеческого мозга. Электроду предстояло стать ее оружием в сражении за здоровье человека. И в 1963 году впервые в нашей стране золотые нити опустились в живой мозг больного. Опустились, чтобы исцелить...

...С конца 50-х и до начала 70-х годов в науке происходит очень важный процесс. Появляются лекарства для лечения пораженной нервной системы — три кита современной психиатрии: так называемые нейролептики, транквилизаторы и антидепрессанты. Чтобы объяснять их действие и совершенствовать, лавиной нарастают нейрохимические опыты над животными. Складываются первые теории, связывающие болезни мозга с нарушением его обмена веществ. Нейро- и психофармакология становится магистральным путем лечения мозга.

Правда, были уже известны и другие направления лечения мозга — макро- и микроразрушения различных его зон, нарушение работы которых, по мнению врачей, и приводило к болезни. Так пытались лечить эпилепсию, паркинсонизм — не контролируемые больным движения его тела. Это осуществлялось наряду с другими приемами и через вживленные в мозг электроды. Иногда пациентам удавалось помочь. Иногда! И всегда это казалось чудом и удавалось лишь немногим. Однако больные, те, кому не помогали лекарства, нейротропные вещества, не могли ждать.

И Наталия Петровна решает для себя: вживленные электроды нужны для диагностики и лечения.

Непросто было ей, молодому профессору, добиться разрешения вживлять электроды в человеческий мозг. Сотрудники Наталии Петровны и она сама неохотно вспоминают, каких трудов, выдержки, настойчивости стоило ей преодолеть недоверие некоторых руководящих тогда в медицине товарищей, снова и снова убеждать, что нет, не «бесчеловечно» это, не «бессмысленно» и безопаснее для здоровья больного многих психотропных лекарств.

Наконец, в 1962 году Н. П. Бехтерева собирает группу из 11 врачей и ученых. Цель — лечение и исследование человеческого мозга долгосрочными вживленными электродами. И уже через год...

— Наталия Петровна, вы помните первого больного, которому проводилось лечение с помощью вживленных электродов?

— Конечно, помню. У меня даже сохранился снимок, где мы сфотографировались вместе с этой женщиной. Девять лет до операции она не могла себя обслуживать. Очень тяжелая форма паркинсонизма. Вживляла электроды Антонина Николаевна Бондарчук. Мы с ней высчитывали координаты введения в мозг электрода и точность попадания его в нужные структуры. Операция тогда длилась почти сутки. А последующее лечение проводила сама. Когда у нас появились ЭВМ, научились рассчитывать за секунды. Больной тогда мы хорошо помогли. Только через 20 лет после операции болезнь взяла свое. Опасность подобралась с другой стороны мозга, не там, где были наши электроды. С 1971 года мы стали лечить не только микроразрушениями, но и электростимуляцией.

Сегодня в отделе нейрофизиологии человека, которым по-прежнему руководит Н. П. Бехтерева, золотые электроды надежно облегчают участь тяжелых больных эпилепсией, паркинсонизмом, поражением зрительного нерва. Однако отдел нейрофизиологии человека занимается прежде всего исследованием и усовершенствованием способов лечения, это не лечебное учреждение.

— Наталия Петровна, а в перспективе сможет ли вживление электродов стать доступным, скажем, на уровне любой областной больницы?

— Нет, не сможет. Я бы сама выступила против. В интересах безопасности больного этот метод должен применяться лишь там, где есть высококвалифицированные специалисты сразу многих специальностей. К тому же микроразрушения мозга и его стимуляцию следует применять лишь по отношению к самым сложным больным. Таких не так много. Но уже сейчас метод получает распространение в Ленинграде в Военно-медицинской академии и Институте нейрохирургии, крупных медицинских центрах Москвы, Омска, Свердловска, Тбилиси, Минска, Киева, Каунаса.

Как ни занята академик Бехтерева, она помнит каждого больного, поступившего в ее отдел, участвует в обсуждении его лечения и исследования. Ведь электроды сами по себе являются как бы передатчиками ценнейшей научной информации о жизни отдельных клеток мозга, его электрических процессах, обмене веществ. Расшифровка разноязычных монологов мозга проводится с помощью ЭВМ и является уникальным, всемирно признанным достижением Н. П. Бехтеревой и ее коллег.

Все исследования института проводятся под девизом «Не повреди!», первого из завещаний Гиппократа — этической основы, на ко-

торой стоит это старейшее научное учреждение, созданное в 1890 году. А этической основой руководства директора института является уважение, доверие к людям и одновременно высочайшая требовательность к себе (прежде всего!) и к коллегам.

Валентина Александровна Илюхина, заведующая лабораторией физиологии состояний головного мозга и организма, рассказывала мне: «Самое удивительное в Наталии Петровне — говорить очень важные научные и житейские вещи как бы мимоходом, не декларируя их. Она может пройти мимо, взглянуть мельком, вдруг остановиться и сказать: «Валечка, пойдемте пить чай!» Но это будет именно в тот момент, когда жизнь повернулась так, что вам больше всего и надо сейчас, чтобы кто-нибудь так обратился. После разговора с ней все как-то преобразуется, становится понятнее. Кризис прошел. А учила она нас, помню, так. Разбирала больных, после этого читала для нас, сначала только двоих, лекции по клинической электроэнцефалографии. Потом стали приходить другие сотрудники, все больше и больше, хотя мы никого не оповещали. Вечерами собирались в больнице или у нее дома. Говорили о работе, об исследованиях мозга. Особенно редкий дар Наталии Петровны — стимулировать думание! Она позволяет человеку ошибаться, никогда не заставляет его вернуться к жесткой программе. Не терпит ложь ни в жизни, ни в науке. Правдива до самой последней грани. И главным всегда считает дело».

— Какие качества вы больше всего цените в людях?— спрашиваю я.

— Одаренность в сочетании с правильно выбранной целью. В науке чаще бывает так: у кого есть цель, тот и новое сделает, и пользу принесет. Очень ценю надежность в широком смысле слова, человеческую и в работе. Наука — всегда погоня за мечтой, хорошо, если крупной. И еще ценю даже не трудолюбие, а неограниченную отдачу любимой работе. Наука и искусство жадные! Они требуют любви к себе. Не хотела бы работать с теми, кому их дело в тягость. Наукой нельзя заниматься трагически. Она должна приносить радость.

— А у вас есть мечты?

— Боюсь показаться скучной, но мечты мои связаны с моими исследованиями. Мечтаю как можно больше узнать о мозговом обеспечении мышления. Очень интересуюсь сейчас прижизненной регистрацией биохимических процессов. И еще. Мозг — уникальное «решающее устройство», не превзойденное современной техникой. Можно многое заимствовать у него. Хорошо, чтобы нашли общий язык специалисты по нейрофизиологии и электронике.

ОДЫ

Инара РОЯ

Цветите, яблони

ПОЭМА

Посвящается воинам 106-го погранотряда 125-й стрелковой дивизии, которые первыми в 4 часа утра 22 июня 1941 года на территории Таураге Литовской ССР приняли на себя внезапный удар немецко-фашистской группировки «Север», нацелившейся на Ленинград.

В числе этих воинов был и мой отец, ставший инвалидом Великой Отечественной войны.

Яблони в тихом стоят карауле,
В небе расплеснута голубизна.
Мирно в краю моем не потому ли,
Что заплатил он за это сполна?
Сколько потеряно в годы те близких,
Сколько погибло родных — без числа...
Снова береза живым обелиском
Скорбную память о том рассекла.
Снова из прошлого тропкою длинной
Красноармеец идет в эту новь.
Снова на землю, на древнюю глину
Тихо сочится солдатская кровь.
Здесь динозавры бродили на воле,
Сколько сменилось всего в свой черед.
Через мое жемайтийское поле
Время в бескрайние шири идет.
Яблоня ветви несет отягченно,
Рядом вторая, в цвету поднялась.
...Не потому ль здесь селились тевтоны,
Завоевательски глядя на нас?
Стоит ли помнить сегодня об этом,
Если кругом новостройки шумят?
Жизнь наполняется радостным светом
Нашей эпохе стремительной в лад...
Справа доносится гомон детсада,
Слева доносится тракторный гул.
Мытые доски крыльца тебе рады —
Лишь бы на них ты спокойно шагнул.
Аист тебя окликает в полете:
День, мол, сегодняшний всюду с тобой.
Так позабудь об ушедшей заботе,
Вместе танцуй с нами, вместе и пой!
Яблоня, смело цвети у дороги
В нынешний год, как и в давешний год!
Пусть ветерок без великой тревоги
К сроку твой цвет над землей разнесет.
Гости на свадьбе, гуляйте беспечно!
Песня веселая, снова звени!
Пусть приобщен к вашей радости вечной
Я лишь на миг — не на долгие дни.
Вороны черными крыльями машут.
Я по разбитой дороге бреду.
Вновь вместо танго военные марши
В душу врываются мне на ходу.
В бой за Отчизну!.. Но вижу иное:
Вижу прибалтов на дальней черте.
Вижу, как силится поле ржаное
Рыцарь тевтонский распять на кресте.
Рядом живут себе разные люди:
Эти, являя лакейскую прыть,
Молча крахмальные простыни будут
И для захватчика на ночь стелить.
Ну, а другие — они, между прочим,
Выбрав тревоги иного пути,
В грубых шинелях и в блузах рабочих
В бой за свободу готовы идти.
Жизнь только раз нам дается, и вторит ей
Мир этот — красочен он или сер.
Может и трус отразиться в истории.
Может — как трусости яркий пример.
Но повлиять на нее вдохновенно
Могут в смешенье боев и работ
Те, в чьих наследственно принятых генах
Передан был непокорности код.
Смерти орга́н — то ли днем, то ли ночью
Раз только нам прозвучит где-нибудь.
Ригой проходят отряды рабочих...
Дальше лежит мой немеряный путь.
Вот оно — наше Балтийское море.
Помню, торпеды взрывались вдали...
Как же с ума не сошли мы от горя,
Видя, как тонут в волнах корабли.
Колпино. Берег Ижоры. Усталость.
Гулко орудия бьют по врагу.
Многие из ополченцев остались
Вечно на этом лежать берегу.
Помню: солдаты поют в Ленинграде,
Хоть подбирается к городу враг.
Помню людей, изнемогших в блокаде.
Помню решимость в матросских глазах.
Помню в дымах и пожарищах дали.
Помню отвагу без всяких прикрас.
Помню, бойцы перед смертью шептали:
— Гитлеру вы отомстите за нас!..
Надо — герой проявляется в деле.
Так что иди сквозь труды и досуг.
Смело иди — в устремлении к цели
Вырваться надо за будничный круг!
Вновь у сердец я на пост заступаю,
У расставаний на пост и у встреч.
От себялюбцев и краснобаев
Надо нам будущее уберечь.

Перевел с латышского Владимир САВЕЛЬЕВ.

Кусково

Александр БАСМАНОВ

Фото С. ПЕТРУХИНА

Мы открываем сегодня новую рубрику — «Клуб классики». В ней будут публиковаться материалы о шедеврах отечественной и мировой культуры.

Великолепный архитектурный ансамбль XVIII века музей-усадьба «Кусково» после завершения основных реставрационных работ предстал перед посетителями в своей первозданной красоте. Труд по ремонту и реставрации усадьбы огромен. Он начался в 1960-х годах и завершится окончательно этим летом.

Комплексный проект возрождения уникального памятника культуры был разработан архитекторами Л. Соболевой, О. Горбачевой, инженером-конструктором Т. Петровой и художником И. Гудковым, а осуществлен сотнями любовных рук мастеров самого разного профиля из объединения «Союзреставрация». И сегодня мы все приносим им нашу огромную благодарность.

1

Помню ветер, шапки сугробов и оранжевый беспокойный закат. Помню этот сад зимою. Почему впервые для Кускова выбралась зима и пустынный темнеющий час? Теперь не знаю точно. Так оно и осталось, увиденное впервые, слившись со студеной поземкой, Курским вокзалом и заиндевелыми стеклами электрички, а потом снеговою дорогой, и мостком, и ледяным прудом, и стылым, почти безлюдным дворцом.

Он был тогда таким, каким, видно, был и двести лет назад: опустевшим и нетопленым. Где проводили в тот год, эти двести лет назад, Шереметевы зиму — за границей ли, в московском ли своем особняке на Никольской или в особняке петербургском, на Фонтанке,— бог весть, но только не здесь, ибо в летнем увеселительном доме следовало жить, конечно же, летом.

И тем не менее дворец был чудесен той зимою. Всякий предмет в нем (стул, эмалевый часовой циферблат, бронзовый треножник) как бы одухотворялся предвечерними красками, и скрадывались в тень приметы сегодняшнего дня, и привидения из старинной жизни являлись сами по себе, ничем не сдерживаемые. Особенно это чувствовалось в следующих за Парадной опочивальней маленьких комнатах. Двери в кабинет-конторочку были отворены; отделанный дубом и голландскими маринами, кабинет красно светился камином, толстый граф Петр Борисович трудно сидел за столом, скрипел пером и брызгал кляксы, кряхтел, составляя мастеру Андрею Фохту память и наказ о том, какие статуи он хотел бы иметь у Грота: «1-я — мужик играет в волынку; 2-я — мужик смотрит на раковины и рассуждает; 3-я — женщина имеет трехнаугольник с кольцами; 4-я — мужик держит в руках кувшин; 5-я — французский мужик держит петуха; 6-я — французская баба держит в руках корзинку с фруктами...» И вдруг зябко перевел плечами, будто за спиною прострекотала стрекоза.

Так и не прочитав через плечо графа описание седьмой статуи, я отошел на цыпочках прочь, чтоб не мешаться и не спугнуть графову тень в этом замороженном летнем доме.

Потом, в тот первый приезд, помню еще Оранжерею, желтое свечение ее огней на фоне густого, бархатного, совсем уже синего неба. В этом странном и необыкновенно элегантном павильоне со столь милыми для послепетровской России отголосками китайского вкуса (мелкопереплетенная стеклянная стена скользит наклонно и почти вогнуто, словно кровля пагоды) вместо росших некогда померанцевых и лавровых деревьев выставлена теперь наша фарфоровая гордость: виноградовские чашка и табакерка 1749 года, императорские орденские сервизы, штучные, поражающие оттенками золочения и красок, вещи заводов Попова и Батенина, знаменитая тонкая и замысловатая по форме и росписи сомовская группа «Влюбленные», безупречно сливщаяся с отборной старинной коллекцией.

О чародей Сомов! Ты, и сам влюбленный в русский восемнадцатый век и описавший его на своих акварелях и холстах как никто другой, признайся, что в лучшем, сделанном тобою — в портрете Мартыновой, и в «Катке», и в многочисленных твоих «Радугах» и «Фейерверках»,— ты рассказал именно о Кускове...

2

По сути это был подмосковный Парнас: из духовности тех лет многое родилось именно здесь. Лучший у нас театр и балет, лучшая капелла и лучший симфонический оркестр, зодчие Алексей Миронов и Павел Аргунов, Аргуновы же живописцы — Иван и Николай, композитор Степан Дегтярев, певица Прасковья Жемчугова, филолог, библиограф, переводчик, драматург и поэт Василий Вороблевский,— все они в великолепной оправе Кускова, все в крепости семейства Шереметевых: вначале графа Петра Борисовича, «креза старшего», богача и обладателя несметных сокровищ в елизаветинские и екатерининские времена, потом его сына и наследника, графа Николая Петровича, «креза меньшого», богача и обладателя несметных сокровищ во времена павловские. Но не только богатством славились Шереметевы, а еще и исключительным по тем временам либерализмом: их барщина для крестьян не являлась удавкою, самих крестьян почти не пороли, кроме же того, всякий крепостной талант немедленно отличался и пестовался, для чего существовала специальная служба.

Итак, Кусково было совершенно особенное село: тут сочиняли музыку, тут писали картины, тут разыгрывались сложнейшие спектакли, тут вообще как бы привелся пример всей русской эстетики XVIII столетия. В архитектуре примером стали Большой дом и дом Итальянский, Эрмитаж, Грот и Оранжерея, связанные с именами де Вальи, Алексея Миронова, Григория Дикушина, Павла Аргунова и Карла Бланка. В садовом, парковом деле и парковой скульптуре примерами обернулись пруд, партер, перспектива на Каскады и вешняковскую церковь — спланированные, расчерченные, проложенные, высаженные, вылепленные Юрьем Кологривовым, Андреем Фохтом, Архипом Ивановым и Иоганном Юстом. В живописи же пример подавался выдающимся портретистом Иваном Аргуновым, виртуозными обманками Григория Теплова.

И дома, и парк, и картины, и скульптуры создавались как бы сообща: их придумывал сам граф, их придумывали, создавали графовы и вольные художники. В наше время и в голову не придет именитому архитектору, имеющему уже утвержденные и подробные чертежи, отдать переделывать их другому зодчему, который переиначит все на свой лад. Совсем не то в восемнадцатом веке. Тут один живописец впишет, не поведя и бровью, в чужую картину рядом с изображенным уже господином объявившуюся позже невесту да припишет еще к дому и вновь пристроенный флигель, ибо, во-первых, времена меняются, а во-вторых, ум хорошо, а два лучше. Кусково сотворялось именно так, и никому не пристало самолюбиво жаловаться на своего собрата за присвоение идей или уродование их. В Кускове, не стесняясь, брали друг у друга удачные мысли и один их уродовал, второй совершенствовал, третий учился у уродующего, как не следует делать, а у совершенствующего, как надобно брать уже готовые формы, и все вместе, без бахвальства выращивали общий цветок искусства.

Как по Версалю можно учить эпоху Людовика XIV, так по Кускову — эпоху стилевого стыка русского, вернее, московского «рокайля» и начатков русского, вернее, московского классицизма. Московского — поскольку ни усадьбы Петербурга, ни Ораниенбаум, ни Петергоф, ни Царское Село не имели со своеобразием Кускова ничего общего. И отточку этой диковины, алмазный венец ее составлял, конечно же, театр.

3

Вот в двух словах его история. В царствование императрицы Елизаветы, соревнуясь с Разумовским, Петр Борисович Шереметев завел «копель» и оркестр и радовал Петербург первейшими сценическими маскарадами в итальянском духе «дель арте». В кусковских же кущах, куда граф окончательно удалился после смерти жены, театр образовался окончательно и не просто хорошим, но всемирно замечательным.

Уже сам вид его поражал роскошью. Он, театр, сиял лучше столичного, значительно превосходил по совершенству тогдашний московский — Медокса и считался первостатейным по акустике, коей немало способствовали совершенные пропорции сцены и зрительной залы — с партером и ложами в три яруса. Известно: размерами кусковский театр равнялся нынешнему Малому, но, разумеется, своим удобством, вкусом, блеском, изяществом и богатством отделки не мог бы быть даже и сравним с оным, ибо — подумайте — возводился по рисункам и под смотрением самого де Вальи, а декорировался рукою самого никем до сих пор не превзойденного в этом деле Гонзаго.

«В тогдашнее время, молодые леты, собственные познания мои и склонность к музыке послужили случаем, что покойный отец мой отдал мне в полное распоряжение устроение сей части. Я устремил все мои старания угодить родителю моему, часто в свободные часы занимался наблюдениями, репетициями, доводя сколько можно до лучшего совершенства необработанность назначенных к тому людей, и могу сказать, что видел по возможности плоды моих стараний». Тут, произнесши сей монолог, выходит на сцену молодой граф Николай Петрович: капельмейстер — ведь он управлял оркестром, драматург — ведь он придумал множество «пиэс», главный, как бы мы сейчас сказали, режиссер — ведь он ставил все кусковские, а потом и останкинские спектакли.

Пристрастия определяют человеческую жизнь: получив самое высокое европейское образование, «крез меньшой» готов был забыть все ради одного — музыки. Еще мальчиком он так хорошо владел виолончелью, что отец показывал его в игре гостям, почти как показывали и мальчика-Моцарта. Моцартом Николай Петрович не стал, но тем не менее французская звезда виолончели Ивар, дававший ему в Париже уроки, называл молодого графа гением; из Парижа же было привезено в Кусково 6(!) подвод, нагруженных нотами.

В 1789 году по графскому распоряжению для обучения музыке, пению и балету взяли из деревень десять мальчиков и девочек, в 1791 году шереметевский репетитор Смагин отправляется в специальную малороссийскую экспедицию за «тенористами», и тогда же принимаются в труппу шесть музыкантов, пятнадцать танцовщиц и фигурантов. Девушек воспитывали в строжайшей дисциплине, как институток, в их комнатах наводилась педантическая чистота, под одеждою для стройности стана они носили железные обручи и особые корсеты, а для усвоения языков говорили в присутствии воспитателей только по-францус-

Партер парка. Вид от Большого дворца * Кабинет-конторочка * Часы. XVIII век * Грот * Клавесин в музыкальной гостиной.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Парковая скульптура. XVIII век * Оранжерея.

ски или по-итальянски. Итальянских музыкальных учителей вообще у Шереметева составилось большинство, и все это были громкие мировые имена: композиторы Сарти и Торелли, балетмейстеры Гульельми и Жанфонелли, скрипач-виртуоз Фредеричи, тенор Олимпий — они выписывались за умопомрачительные гонорары, как, впрочем, и театральные художники Валезини и Гонзаго.

Правда, эти сведения относятся к более поздним временам, но и к лету 1787 года (интересующему нас лету) театр был уже полностью отделан, его труппа и оркестр насчитывали больше ста пятидесяти актеров и музыкантов, его гардероб хранился больше чем в ста пятидесяти огромных сундуках, а его репертуар составлял больше чем сто пятьдесят опер и балетов. Но особо готовили оперу Гретри «Самнитские браки».

«Самнитские браки» насоветовал ставить графу его парижский наставник и постоянный с тех пор корреспондент Ивар: он выслал ему нарочно срисованные для того в Гранд Опера планы мизансцен, партитуры и эскизы костюмов, но Николай Петрович решился ставить все по-своему и репетировал с комедиантами и оркестром буквально до красных кругов перед глазами — каждодневно часов по восемь. Спектакль вправду получался настолько оригинальным, что шереметевский гость, француз Сегюр, присутствовавший на прогонах, даже не узнал исполнявшейся по-русски оперы и писал у себя в дневнике о музыке, голосах, танцах и богатстве одежд, поразивших его красотою, но более всего он, не привыкший к законам, дозволявшим иметь «живую» собственность, поражался, что «актеры и актрисы, танцоры и танцовщицы в балете, музыканты, составившие оркестр, все принадлежали гр. Шереметеву, который тщательно старался о воспитании и обучении их, коему оне одолжены своими дарованиями».

И действительно, это было странное содружество. Обучая своих крепостных сам или у лучших учителей, знакомя их с игрою артистов казенной сцены (для крепостных абонировалась в Москве ложа), граф прибег однажды и еще к одному, вовсе экстравагантному способу поучения своих людей: желая поставить пресловутую «Нину» Далерака, шедшую в Париже с огромным успехом, он заставил разыграть ее перед крепостными аристократов-любителей. И те разыграли «Нину».

4

После всякого выраженья musique simpfonique * или musique de chambre ** граф Николай Петрович шел в свои комнаты, чтоб не говорить ни с кем, а потом, уже из них, чтоб не быть никем замеченным, выходил в сад. Он выходил в сад, потому что после всякого своего музыкального выраженья был выжат, как лимон, раздавлен и уничтожен, и душа его, и ум его делались выжженной пустынею.

Тем ранним летом, как готовились к «Самнитским бракам», шли теплые дожди и в саду сильно и влажно пахло липой, и это помогало Николаю Петровичу: сад словно возвращал его к жизни. Зная это, граф надевал после дождей сапоги, чтоб можно было уходить с дорожек или путешествовать в Гае; иногда он брал с собою своего черно-пегого пойнтера Серванта и строил путь так, чтоб в конце прогулки обязательно заглянуть на полчаса к Вороблевскому.

Кусковский сад и парк были очень старыми, а вправо от просеки, соединяющей с Вешняковым, и вовсе стоял вековой лес, в котором еще старый граф Петр Борисович устроил зверинец, то есть завел там полторы сотни оленей, несколько дюжин американских кабанов, несколько дюжин сибирских черных волков и без счету зайцев. Кусково вообще было обязано многим Петру Борисовичу — переделанным (сотнями золотых безвестных рук) из старых хором великолепным Большим домом, прочным и удобным, полным как чаша — и гобеленами, и старинным оружием, и библиотекою, и картинной галереею, и фарфором, и бронзою. Петр Борисович придумал и рытый перед фасадом дворца громадный пруд (тысячи крепких безвестных рук вырыли его) с островом и китайскою беседкой на нем, с целой флотилией судов: большой раззолоченной яхтою с пушками, джонкой, галерой и парусным шлюпом; флотилью обслуживала дюжина матросов с особой даже обмундировкой — в полосатых в вишневую и белую полоску камлотовых кафтанах, суконных шароварах и шляпах с серебряным позументом.

Собственно, все драгоценности Кускова собрались на небольшом пятачке вокруг буленгрина — коврового цветочного партера во французском вкусе: Голландский дом, весь выложенный внутри изразцами и украшенный фламандскими полотнами, и дом Итальянский — вмещавший, соответственно, то, что могла предложить лазоревая Италия, и четырехстпник прекрасного Эрмитажа, и мавританский Грот. Но вокруг лежал грибной подмосковный лес и впереди, вывесив лоскут длинного розового языка, челноком, рассекая траву, маячил Сервант, и Николай Петрович в мокрых до блеска ботфортах шел дальше, вглубь, и дрожание нервов, и нутряная пустота, возникшие от выраженья musique simpfonique, постепенно проходили:

За диво бы почли и в Англии самой
Село Кусково, где боярин жил большой,
Любивший русское старинно хлебосольство.
Народны праздники и по трудах спокойство...

Так доходил он до особо заросшего английского парка Гай, натыкаясь время от времени на отцовские придумки, столь хорошо известные с детства: вот беседка Трефиль с надписью «Найтить здесь спокойство», вот во врытом в землю дубовом чану со съемною крышкою сидит философ Диоген, вылепленный из алебастра и расписанный под цвет «натурального» тела, а вот крытый соломой Шомьер, где вокруг стола, уставленного восковой снедью, расположились за притцою, но несколько застылой беседой знакомые всем окрестным жителям по именам восковые персоны: Вилиус, Господин без печали — веселый брат, Француз, Дама, Турка и Доктор Бамбас.

Воробдевский жил, где и Дегтярев, — в музыкантском флигеле в Гае. О Дегтяреве Николай Петрович не хотел теперь и думать потому, что он устал от него за репетицию: Степан Аникеевич, в прошлом черный борисовский крестьянин, а ныне ведущий пианист, концертмейстер и композитор, сочинитель замечательных ораторий, был очень способный человек, но, выучившись по приказу графа в университете и побывав с Сарти в Италии, он стал постоянно проситься на волю, а потом и запил с горя. Другое дело оказывался Воробдевский: тот хоть и побывал, как и Дегтярев, за границею, но ничего не просил, целыми днями не разгибаясь сидел за рукописями и нотами, был очень умен и совершенно незаменим для театра, ибо именно ему, «библиотекарю его сиятельства», владевшему всеми европейскими языками, поручались переводы опер, смотрение за постановками и «репетишным» действом актеров.

Переводил Воробдевский великолепно, прекрасными виршами, и, кроме сделанной недавно оперы «Самнитские браки», в библиотеке Николая Петровича составилась длинная вереница его переводов на русский опер, комедий, либретто балетов и месс — Баха, Бруни, Бертона, Глюка, Далерака, Лемуана, Паизиелло, Сальери, Моцарта, Керубини и Чимарозы. Библиотекой своей в шестнадцать тысяч томов граф гордился чрезвычайно, равно как и своим энциклопедически образованным библиотекарем.

У библиотекаря в каморе все было завалено исписанными и перемаранными листками, стопами лежали на промятом диване, стульях, столе и даже полу книги и книжицы, которые обязательно сбивал своим мокрым носом, врываясь, Сервант; сам Василий Григорьевич в слоеных облаках трубочного дыма горбился с пером в руке.

Николай Петрович от этого дыму морщился, но ничего не говорил, снимал вымокшие сапоги, сшвыривал с дивана книги, располагался на нем под аккомпанемент звенящих пружин, заводил с Воробдевским долгую беседу и чаще всего любил говорить с ним о Венеции, площади св. Марка, Мосте вздохов, очень внимательно относясь к оценке своего собеседника сих роскошных произведений человеческого духа. Воробдевский был хоть и раб графа, но граф не стеснялся уважать и слушаться его, как, наверное, не стеснялся самосский аристократ Иадмон уважать и слушаться своего раба Эзопа.

5

Оперу Гретри «Самнитские браки» давали 30 июня 1787 года во вновь отстроенном кусковском театре, и слушатели поразились спектаклем как самым великолепным из всех, какие они когда-либо видели. Особенно поразила их исполнительница главной партии Элианы — певица с голосом широчайшего диапазона, крепостная графа Шереметева и его возлюбленная Прасковья Ивановна Жемчугова.

На сцене Жемчугова выступала с двенадцати лет, и ее дивный голос, «голос сирены», помнили до конца жизни все, кто хоть раз слышал его. Судьба Прасковьи Ивановны была вообще величайшим счастьем и величайшей бедой, свитыми в один клубок: наслаждение самым высоким искусством и надорванная чахоткой грудь, блестящее образование и положение частной собственности Шереметевых, взаимная, редкой силы любовь между ею и графом и одновременно презрение и насмешки за то как большого света, так и дворни. Она стала затворницей, богомолкой, и ее почти перестали видеть в миру — только разве по пути в театр.

Но в тот вечер после «Самнитских браков» многие из бед еще только брезжили на горизонте и, торопясь к себе во флигель, она видела парк по-особенному прекрасным: от разноцветных фонарей он весь светился изумрудными и яхонтовыми огнями, а потом вдруг дымчато вспыхнул, и что-то хлопнуло и затрещало, будто разрывали парусину,— начинался громадный фейерверк, и небо в тихих звездах прорезалось огненными жилами, мелко трескалось от блистающих искр, и тьма поминутно перемежалась в день, и снова все гасло, и обгоревшие ракеты с шипением падали в траву и пруд.

Об этом кусковском празднике и фейерверке много писали, но известно и другое: после всякого праздника наступают будни; с утра наступили они снова и тут: полевые, ремесленные, плотницкие, кузнецкие, садовые будни, те самые, что растили эту жемчужину русского, барского, рабского «осьмнадцатого» века, поскольку здешнюю стройку вели в большинстве крепостные рабы, по приказанию барина превратившиеся в архитекторов, поэтов, живописцев и музыкантов. И что интересно: их уровень художественных вкусов оказывался на высоте, ибо, как выяснялось, простой крестьянин одарен был от природы не только сметливостью, а и особым, быть может, бессознательным, но неизменно верным пониманием красоты.

Кусково — памятник этому пониманию. Да и как было не понимать красоту тем, кто родился в купели просторов, цветов, трав, лесов и звенящих далей! Тут народный быт окрестностей окрасился примерами европейской, версальской цивилизации, тут, с другой стороны, европейская цивилизация встретилась с историей древней, многовековой, издавна сложившейся в оригинальный образ и готовое слово. Ведь именно отсюда, от Гиреева, Перова, Кускова, Владычина, Косина, начинались особые, ни с чем не сравнимые русские особенности, доходившие потом аж до Владимира, Суздаля и Мурома, начинался ни с чем не сравнимый в одежде шерстяной охабень, начинались крепко рубленные и артистично связанные избы, в характере — степенность и серьезность, близкие к суровости, выговор на «о» при общей певучести слога.

Напомним, тут было неподалеку село Карачарово, одноименное с тем Карачаровым, где родился Илья Муромец. Напомним, тут лежал неподалеку камень, схоронивший по преданию Ивана да Марью. Напомним, тут неподалеку зыбилось Чертово озеро, метким глазом отличенное Петром I от других: сюда волоком перетащил он с Яузы свои новорожденные нескладные ботики — прообраз всего русского флота. Наконец, напомним, через Перово лежала стародавняя дорога юродивых и калик перехожих, отправлявшихся из Москвы странствовать по Руси.

Ты, посетитель сегодняшнего, отремонтированного и еще пахнущего краскою Кускова, поразмышляй об этом, стоя для отдыха от роскоши интерьеров у окна Парадной опочивальни и глядя на темно-зеленую листву расчесанного парка, на ярко-рыжие нарядные дорожки. Вон там, за извивом, на одной из них можно найти на влажном песке следок узкой ступни графини Прасковьи Ивановны Шереметевой, дочери горбатого кузнеца, великой крестьянской певицы Жемчуговой. Тропинка петляет, зовет, уводит куда-то в глухие дали памяти, в сырой, сумрачный Гай, где деревья шумят от ветра, огромные и таинственные.

*симфонической музыки (франц.).
** камерной музыки (франц.).

Голландский домик * Уголок одного из интерьеров Большого дворца * Фрагмент главного фасада * Юные художники в Кусковском парке * Большой дворец. Вид от пруда.

АЛЫЕ ПАРУСА

Н. ТОЛЧЕНОВА,
фото И. ТУНКЕЛЯ

премьера

Идеал красоты человеческой. Его нет и не может быть вне красоты высокого свершения. Красоты бескорыстной, открытой — пусть всегда по-своему — навстречу мечте, навстречу людям и жизни. Потому-то и входят в нашу жизнь несхожие между собой Дон Кихот и андерсеновская Русалочка, Павка Корчагин и гриновская Ассоль... Да и такие ли уж они разные, такие ли далекие друг от друга?!. Ведь ими по-разному, но с одинаковой силой и верой движет мечта! В каждом выражена убежденность в реальном достижении идеала, претворении его в жизнь.

Вот почему желанной, более того, необходимой представляется новая работа Московского государственного детского музыкального театра, где создан по гриновской сказке «Алые паруса» одноименный балет.

Феерия — а Грин вовсе не случайно дал это точное определение своему яснотекущему в строгих рамках поэтическому повествованию — словно уже сама по себе требовала (при воплощении ее на сцене) господства не только музыки, но и танца. И вот он создан под непосредственным творческим началом художественного руководителя театра Н. И. Сац.

Талантливое, увлеченное воплощение всех образов «Алых парусов» оказалось доступным не только для исполнителей главных ролей — Ассоль (Е. Копылова) и капитана Грэя (В. Симонаев), но для всего танцевального ансамбля. Музыка В. Юровского (либретто А. Таланова и А. Радунского) находит точное воплощение в решениях балетмейстера Бориса Ляпаева.

Очень ярко, эффектно, запоминаясь зрителям, решены сцены чудесного сна Ассоль в волшебном лесу, где молодой капитан Грэй с первого взгляда и навсегда полюбил прекрасную девушку. Еще более впечатляет сцена в порту созданного писательской, гриновской мечтой города Лисса, где Грэй, узнавший о давней мечте Ассоль о сказочном корабле счастья, несущем необычайные алые паруса, скупает весь шелк этого желанного праздничного цвета: пусть же сбудется сказка, пусть осуществится мечта!.. Эта картина — думается, лучшая в в спектакле — полна ликования. Тут господствуют и грация, и вихревое веселое озорство, и бесконечные выдумки в общем танце... Кого только не увидишь в оживленном портовом городе, полном красок жизни. Тут крестьяне и крестьянки со своими заботами и хлопотами, франтоватые городские модницы, вороватые оборванцы, продавщицы цветов и разной живности, солдаты и матросы, и наконец, почти невесомая в своих воздушных па, редкостно подвижная гадалка-цыганка, в танце которой с первого же взгляда узнаешь прелестную полетность Ж. Магаляс.

Нельзя не сказать о недругах, противниках Ассоль... Ведь настоящая красота, как и настоящая поэзия, да и вообще все настоящее в жизни не могут не иметь преследователей, клеветников, злобных завистников... Вот так и у Ассоль целое сборище врагов, всячески издевающихся над девушкой, преследующих ее буквально по пятам... Зловещий их «вдохновитель» лавочник Меннерс (А. Царев) и столь же отталкивающий сын его (И. Голяндин), самодовольный главарь шайки бездельников, резко контрастируют с одухотворенными образами главных героев и их верных друзей. Среди них запоминается отец Ассоль — рыбак Лонгрен (М. Денисенко), сказочник Эгль (В. Белых) и, конечно, Ведущий (А. Хохлов)...

Да, на сцене царит прекрасная сказка. Она музыкой и танцем служит делу воспитания высокого идеала красоты. И надо видеть счастливые лица детей-зрителей, неистово аплодирующих, устремляющихся навстречу артистам после счастливого финала, когда появляются желанные Алые паруса, поднятые на всю вышину огромной сцены художником Э. Стенбергом.

Праздничность заключительной картины знаменует победу мечты, торжество высокой человечности. Несет в себе и утверждает собою счастливую возможность свершения чуда. Возможность и необходимость победы добра.

1. Сбылась мечта — приблизились Алые паруса...

2. Жизнь возле моря.

3. Ассоль.

4. Ликует город Лисс.

1.

2.

4.

Дирижер

В Соединенных Штатах Америки в Университетском центре (штат Огайо) в 1979 году шел концерт академического оркестра русских народных инструментов Центрального телевидения и Всесоюзного радио под управлением Николая Некрасова. Зал «Мемориал», вмещающий две тысячи человек, был заполнен до отказа.

Советские музыканты не без волнения шли на концерт: как примет русскую народную музыку аудитория? Программу начали пьесами «Светит месяц», «Вниз по Волге-реке», затем прозвучали «Богатырские ворота» Мусоргского. И после каждой пьесы — овации. Наконец зазвучала знаменитая «Калинка». И вдруг оглушительно завыли пожарные сирены, начались световые вспышки. Публика панически вскакивала со своих мест. Вскоре всем стало ясно: это провокация, кому-то не по душе приезд советских артистов. А концерт продолжался. Музыканты не дрогнули. И вскоре хулиганов слушатели выдворили из зала. Публика заняла свои места, и каждый музыкальный номер теперь принимался с еще большим энтузиазмом. Оркестр дал тогда в Америке 38 концертов за 36 дней.

Николай Некрасов, беседуя с представителями прессы, заявил:

— Я убежден в стремлении к сотрудничеству с нами со стороны американского народа. Гастроли советских артистов свидетельствуют: американский народ не за сворачивание культурных связей, а за их продолжение и расширение.

У Некрасова интересно сложилась жизнь. Наверное, мало кто знает, что он мечтал стать летчиком, но подвело здоровье. Мать Николая была виолончелисткой, отец — дирижером; в доме у них встречались знаменитые певцы Н. Обухова, М. Максакова, В. Давыдова, С. Лемешев, М. Рейзен.

Первые шаги юноши в музыке связаны с балалайкой. В совершенстве овладев инструментом, он поражал музыкальным вкусом и виртуозным исполнением. Студентом второго курса музыкально-педагогического института имени Гнесиных Некрасов завоевал золотую медаль на международном конкурсе Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1957 году. Он мог бы быть видным концертантом-балалаечником, но мечтал о дирижировании и еще в годы учебы стал главным дирижером оркестра хора имени Пятницкого, а затем возглавил симфонический оркестр Государственного ансамбля народного танца СССР под руководством Моисеева.

Работа в этих коллективах, гастроли по Советскому Союзу и за рубежом подготовили приход Некрасова на пост художественного руководителя и главного дирижера академического оркестра русских народных инструментов Центрального телевидения и Всесоюзного радио. Оркестр тогда уже прошел большой творческий путь: за дирижерским пультом здесь стояли такие мастера, как А. Гаук, Г. Столяров, Н. Аносов, Г. Рождественский...

Нужно было завоевать признание сложившегося уже коллектива, добиться его дальнейшего расцвета, снискать уважение многомиллионной аудитории. Оркестр радовал ее и русской народной музыкой, и исполнением сочинений Глинки, Чайковского, Мусоргского, Римского-Корсакова, Прокофьева, Шебалина.

В работу оркестра серьезный вклад внесли Н. Будашкин, А. Холминов, П. Куликов, Ю. Шишаков... Николай Некрасов продолжал расширять творческие диапазоны оркестра. Совместно с Большим академическим хором Всесоюзного радио была исполнена оратория В. Пикуля «Во славу Отчизны»; вместе с Московским хором — «Былина о Василисе Премудрой» В. Кикты. Редчайшей работой стала «Снегурочка», весенняя сказка Островского, с очаровательной музыкой Гречанинова.

Вот как отзываются те, кому довелось выступать с оркестром Некрасова.

Е. Образцова. Николай Некрасов очень тонко чувствует творческие намерения солистов: когда я пою с ним, у меня ощущение прекрасного музицирования, полной творческой свободы.

А. Эйзен. Глубоко чувствует Некрасов национальный колорит музыки. Что же касается музыкантов оркестра, то каждый из них достоин быть солистом.

Е. Нестеренко. Меня всегда радует на репетициях коллектива атмосфера заинтересованности, собранности, внимания. Подкупает человеческое обаяние, культура и тонкий вкус Некрасова.

...В репертуаре оркестра около 7 тысяч партитур, охватывающих произведения различных форм и жанров. Происходит постоянное пополнение золотого фонда записей, выпускаются все новые и новые грампластинки.

Я спросил Николая Некрасова:

— Каковы ваши ближайшие планы, каковы планы оркестра?

— К сорокалетию Победы,— ответил дирижер,— мы готовим концерт в Колонном зале Дома союзов с участием Евгения Нестеренко «Песни военных лет»... Совсем недавно Тамара Синявская записала с оркестром цикл популярных песен М. Блантера — это тоже памятные военные и послевоенные годы. Предстоит работа над кантатой Ю. Шишакова «Фрески о Великой Отечественной войне». Проведем, как всегда, традиционные встречи с воинами Советской Армии, тружениками заводов, фабрик, полей, со студенческой молодежью, с будущими участниками Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве.

Снова и снова услышим все мы знакомые слова: «Под управлением народного артиста РСФСР Николая Некрасова...»

Н. ЗАРАХОВИЧ,
заслуженный работник культуры РСФСР

Николай Некрасов.

3.

НА ПАРАДЕ—СУВОРОВЦЫ

Когда началась война, я учился в пятом классе. И хотя привычный детский мир еще не был разрушен, приближение фронта к окраинам Калинина уже чувствовалось.

4 октября 1941 года, подходя к школе, мы увидели, как на нее полетели фашистские бомбы. Никто не побежал назад, все ринулись к школе. Еще не рассеялся едкий дым, как директор сказал: «Дети, фашисты рядом. Занятия прекращаются, идите по домам».

Дальше все шло по злой логике войны, которую испытали на себе миллионы. Оккупация, голод, болезни, страхи и надежды. Не забыть ползущую по земле мать с криком отчаяния, когда фашисты уводили со двора корову, последнюю кормилицу многодетной семьи.

Затем долгожданное освобождение и много-много «юнкерсов», с утра до вечера долбивших бомбами деревни в окрестностях Ржева и Зубцова. Сгорел и наш дом, а с ним и все родственники. Меня подобрали бойцы из 239-й Краснознаменной стрелковой дивизии, и я стал сыном полка. Всего год, с сентября сорок второго по сентябрь сорок третьего, пробыл я в рядах этой славной дивизии, а потом меня направили в Калининское суворовское военное училище. Но связь с дивизией не оборвалась. Навещали училище раненые из ближнего госпиталя, заходили комиссованные «под чистую» тверяки. С фронта шли письма, из которых я узнавал, где воюет дивизия. Из сводок Совинформбюро становилось очевидным: скоро Победа!

Еще не схлынула волна победных торжеств, еще непривычной оставалась сама мысль о том, что нет войны, а уже пришел приказ: мы едем на Парад Победы.

Все пережитое на Красной площади непередаваемо словами. Обстановка подготовки и тренировок перед парадом говорила о том, что нас ждет значительное событие в нашей жизни. 20 июня нам, участникам войны, вручили медали «За победу над Германией». Эта медаль тоже юбиляр и ровесница Победы: Указ о ее учреждении был принят 9 мая 1945 года. Первыми ею награждали участников парада.

...Парадный расчет суворовцев занимал, я бы сказал, привилегированную позицию. Перед нами была открыта вся Красная площадь. Суворовцы замыкали пеший строй, и только левее нас, ближе к Спасской башне, располагалось подразделение с поверженными фашистскими знаменами. Я был в первой шеренге, а рядом, чуть левее, стоял правофланговый, высокий солдат, державший штандарт «Адольф Гитлер», золоченый орел которого лежал на мокрой от дождя брусчатке.

На Спасской башне пробили куранты. Долго и многократно гремело «ура», прежде чем командующий парадом и принимающий его оказались перед нашим строем. Маршал Жуков поприветствовал и нас, самых молодых участников парада.

Затем мы, пройдя мимо Исторического музея, вышли на последнюю прямую. Нервное напряжение нарастало. Гремел победный марш. Вдруг музыка оркестра оборвалась, мгновенно наступила тишина, а затем гулко забухали барабаны. Наши старшие боевые товарищи бросали вражеские знамена к подножию Мавзолея.

П. КАБАНОВ

Калинин.

МАРШИ ПОБЕДЫ

В тот знаменательный сорок пятый год я проходил службу в должности старшего инспектора отдела военно-оркестровой службы Советской Армии. Примерно в начале мая мы узнали, что состоится Парад Победы и что нам предстоит почетная и ответственная задача по музыкальному оформлению этого парада. Главным дирижером сводного духового оркестра был назначен начальник нашего отдела генерал-майор С. А. Чернецкий. Его помощником утвердили меня.

Мы долго и тщательно готовились к параду, подбирали музыкальные произведения для сводного духового оркестра. Хотелось, чтобы музыка на параде подчеркивала всю торжественность исторического события, ликование советского народа. Мы отобрали много строевых маршей. Кроме того, подобрали музыку для встречи принимающего парад после его возвращения с Манежной на Красную площадь. Это была музыка из оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин» — «Славься». В репертуар сводного духового оркестра Парада Победы были включены строевые марши: «Танкистов», «Гвардейцев-минометчиков», «Парад», «8-й гвардейской дивизии» С. Чернецкого, «Советской Армии», «Народных мстителей» и «Родная Москва» Н. П. Иванова-Радкевича, «Столичный» В. Рунова, «Все выше» Ю. Хайта, «Прощание славянки» В. Агапкина и несколько старинных маршей — «Егерский», «Герой», «Печорского полка», «Триумф победителей», «Колонный» и другие.

К первому июня все фронтовые части, отобранные для парада, прибыли в Москву, и началась их подготовка. Репетиции проходили на Центральном аэродроме, где была сделана точная разметка Красной площади. Руководили подготовкой к параду Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский. Они требовали от всех участников четкости, единого ритма и строгого регламента.

Помню, то ли от усталости, то ли по другим причинам, но к концу репетиции сводный духовой оркестр несколько сбавил темп музыки. Маршал Жуков тут же подозвал к себе генерала Чернецкого и спросил, есть ли у него шагомер. Чернецкий ответил, что у него профессиональное чувство ритма. Тогда маршал Жуков сказал: «Вы на свои чувства не надейтесь. Вот вам шагомер, и точно соблюдайте сто двадцать шагов в минуту». После этого на всех репетициях и на самом параде не было отклонения от нормы ритма.

И вот наступило 24 июня. В 10.00 последовала команда «Парад, смирно!». Оркестр заиграл «Юбилейный встречный марш Советской Армии», а из Спасских ворот Кремля выехал на белом коне Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

Когда Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский направились на Манежную площадь здороваться с войсками Московского гарнизона, сводный духовой оркестр построился напротив Мавзолея В. И. Ленина. Но вот оба маршала показались на Красной площади. Оркестр грянул «Славься», а войска перекатами кричали «ура». Этот фрагмент впервые был введен в церемониал воинских парадов Советской Армии. После этого фанфаристы заиграли сигнал «Слушайте все».

Открывали парад юные барабанщики второй московской военно-музыкальной школы. А потом шли сводные колонны фронтов, каждая под звуки предназначенного для нее марша.

Умолк сводный духовой оркестр, грянула дробь барабанов, и к подножию Мавзолея полетели фашистские знамена.

Любопытная деталь. Еще на аэродроме, во время общей репетиции парада, мы, музыканты, чувствовали, что музыка неуместна в момент, когда к подножию Мавзолея бросают фашистские знамена. Мы «сняли» музыку, но все же ощущали, что чего-то не хватает. Тогда-то и было внесено предложение оставить звучание только одних барабанов.

После прохождения войск Московского гарнизона парад завершал тысячечетырехсоттрубный сводный духовой оркестр с фанфарным победным маршем «Слава Родине».

С. ТВОРУН,
полковник в отставке

Киев.

ЕЕ НАЗЫ

В. КАРАВАЕВ

В течение длительного времени я был постоянным ведущим телевизионного клуба «Отзовись, сын полка!». Передача адресовалась детям, ее неизменными героями были бесстрашные мальчишки и девчонки, которым в годы Великой Отечественной войны было по десять — пятнадцать лет от роду и детство которых прошло на фронте, в армейских подразделениях и партизанских отрядах.

Каждое заседание клуба вызывало многочисленные отклики зрителей, и на студию целыми мешками доставлялись тысячи бандеролей.

Недавно я принялся разбирать свой телевизионный архив и обнаружил одно из не использованных в передаче писем.

Начиналось оно прямо-таки интригующе. «А не хотите ли получить рассказ о дочери дивизиона, чешке по национальности? — спрашивал меня бывший старшина К. М. Звонов из города Усть-Каменогорска.— Эта девочка оказала нам неоценимую услугу. На фотографии, сделанной весной 1945 года, девочка сидит в первом ряду. Тогда ей было семь лет».

К сожалению, имени и фамилии девочки он не помнит. Но ведь старая фотография — неплохое подспорье для поиска, она может сослужить немалую службу. Тем более, что на снимке присутствуют и родители девочки. Кто-то наверняка знал их, помнит.

Журнал «Огонек» популярен в Чехословакии, я регулярно поку-

Старшина Звонов, знавший немецкий язык, решился на откровенные переговоры с хозяином дома.

— Да что вы!— с пониманием откликнулся тот на просьбу старшины о помощи продовольствием.— О чем речь?! Кое-какие запасы есть. Если вы согласны, то жена будет готовить на всех. Только дайте ей в помощь человека два.

Как-то к Звонову подошла хозяйская дочь.

— Папа говорит, что вы, пан, знаете немецкий язык. Идемте, я вам что-то покажу.

Когда старшина увидел это «что-то», его лоб покрылся холодной испариной. Оказалось, что просторный подвал дома был заминирован отступавшими немцами. Часовой механизм исправно работал, так что нетрудно представить, что могло случиться со всеми обитателями дома. Саперы так и сказали: до взрыва оставались считанные часы.

Тогда-то Константин Михайлович и назвал ее впервые дочкой. Отсюда и пошло — дочка и дочка. Девочка стала всеобщей любимицей.

Однажды Звонов спросил ее: не помнит ли она таких мест, где у немцев часто стояли автомобили, может быть, были такие дома, около которых часовые не разрешали ходить даже детям.

Девочка поняла вопрос, немного подумала и повела старшину по селу. За околицей виднелось несколько деревянных строений. В одном из них, самом разрушенном, грудилось слежавшееся от времени и долгих дождей сено. Именно оно и навело Звонова на мысль: почему сено хранится в самом неприспособленном для этих целей сарае? Рядом стоят более добротные постройки, а тут на тебе — добро разложено почти под открытым небом.

Звонов послал девчушку за подмогой. Бойцы прибежали быстро. Начали разгребать сено. И вскоре под ним показалась свежевскопанная земля: так и есть, недавно вырытая яма, а в ней целый склад. Перед отступлением фашисты спрятали здесь оружие, ящики с боеприпасами, несколько бочек с бензином, саперное имущество, две рации и передатчик. Все это было очень кстати бойцам радиодивизиона.

А вскоре настал день, когда советские воины покидали село. Прощались с хозяевами дома побратски. Перед строем солдат, застывших по команде «Смирно!», стояла семья: отец, мать и их дочь. Лейтенант Семенов сказал:

— Никогда не забудем вашей заботы о нас. Большое вам всем спасибо. Особенно тебе, дочка! Ведь ты спасла нам жизнь!

9 мая 1945 года 93-й радиодивизион торжественным маршем проходил по улицам спасенной от разрушения Праги.

* * *

Мы надеемся, что на этот материал откликнутся и ветераны, узнавшие себя на снимке. Пока что мы знаем рядового Доброхотова — он с аккордеоном, рядового Кравцова — в первом ряду второй слева, сержанта Ибрагимова — в третьем ряду второй слева и старшину Звонова — он стоит рядом с матерью девочки.

ВАЛИ ДОЧКОЙ...

пал его в газетных киосках, находясь в этой стране. Видел, с каким вниманием следили за появлением очередных номеров журнала мои чешские друзья. Именно это и придает уверенность, что рассказ о дочери дивизиона не пройдет незамеченным.

...По зову патриотов осажденной фашистами Праги часть советских войск, свернув с основных наступательных направлений, поспешила на выручку. В числе других подразделений шел на помощь братьям и 93-й радиодивизион под командованием майора Воропаева.

Весенняя распутица стала серьезной помехой на пути тяжело нагруженных автомашин, кое-где их буквально приходилось чуть ли не нести на солдатских руках, увязая по пояс в раскисшей земле. И так километр за километром.

Одна из передовых машин, пробивая стену дождя, подошла к населенному пункту близ города Табор. Низко нависшие тучи слились с черной разбухшей землей — сплошная стена темени.

Около моста через небольшую речку лейтенант Семенов приказал старшине Звонову с двумя бойцами разведать село.

Внимание разведчиков привлекло двухэтажное здание готического стиля с островерхой кровлей, обнесенное каменной оградой. С него-то они и решили начать осмотр. На стук в дверь никто не отозвался. Тогда бойцы, бесшумно выдавив стекло в правом от крыльца окне, один за другим проникли внутрь дома. Тихо. В ход пошел карманный фонарик. Никого. С предельной осторожностью стали обследовать смежные помещения. На пороге четвертой комнаты внезапно возникла фигура рослого мужчины.

— Руки вверх! Кто вы?— спросил по-немецки старшина Звонов.

— Я хозяин дома. А кто вы?— Испуганно разглядывал он облепленных грязью, до нитки промокших солдат, направивших на него автоматы.

— Мы русские!— ответил Звонов.

— Не может быть!— На лице хозяина дома появилась растерянность.— Только что у нас были немцы!

Предостережение пришлось как нельзя кстати. Звонов вызвал подкрепление, и его группа стала тщательно прочесывать дом за домом. Бойцам удалось задержать и обезоружить нескольких гитлеровских солдат, пытавшихся скрыться, переодевшись в гражданскую одежду. Это были остатки только что покинувшего село немецкого подразделения.

Выставив караулы, лейтенант Семенов приказал своим подчиненным располагаться на ночлег. Местом размещения личного состава передовой группы стал тот самый дом с островерхой крышей. К тому же хозяин настоятельно просил не отказать ему в удовольствии принять у себя советских бойцов.

Фронтовая обстановка изменчива, и вышло так, что нашим бойцам пришлось задержаться в гостеприимном доме. Продолжительная оторванность от своей части стала давать о себе знать: кончались продукты, на исходе горючее для автомашин. Но больше всего бойцов радиодивизиона расстраивало, что с каждым днем заметно иссякала энергия аккумуляторов для раций.

ФОРТ ГЕРОЕВ

В. ШАВШИН

Стоило включить фонарь, как начинало казаться, что проржавевшие поручни трапа вот-вот оборвутся и мы повиснем в черной, дышащей холодом глубине. Но наш проводник, студент Михаил Бирюков, уверенно спускался вниз. Потом переход по трехсотметровому тоннелю — и мы увидели железобетонные глыбы одного из блоков подземного форта. Они — свидетели героической и трагической судьбы 35-й береговой батареи.

...Осенью сорок первого войска Манштейна рвались к Севастополю, пытаясь с ходу захватить город. Но защитники выдержали первый натиск врага. Потеряв на подступах к черноморской твердыне десятки тысяч немецких и румынских солдат, гитлеровские генералы стали тщательно готовить новое наступление. 17 декабря 1941 года начался второй этап битвы. Стальным дождем поливали защитников города фашистские «юнкерсы» и «мессершмитты», ураганный огонь вела артиллерия... Севастопольская земля разбухла от чугуна и свинца. Одни сопки и курганы сметались с лица земли, другие становились ниже. Гитлеровская пропаганда поспешила сообщить, что к Новому году Севастополь будет немецким. Но мечты фашистов не сбылись!

Пытаясь оправдать неудачу, командующий немецкой армией в одном из приказов пишет о Севастополе: «Первоклассная крепость. Укреплялась на протяжении десятилетий. Снабжена всеми современными средствами борьбы».

И вот через сорок с лишним лет мы на территории одного из грозных фортов. Наш гид М. Бирюков рассказывает, что батарея строилась накануне первой мировой войны, на вооружении стояли четыре 305-миллиметровых орудия.

Мощное железобетонное сооружение имело площадь почти пять тысяч квадратных метров. Толщина верхнего свода более четырех метров. В конце тридцатых — начале сороковых годов батарею еще больше укрепили: построили систему дотов, дзотов, траншей и пулеметных точек, охранявших форт.

Под толщей бетона был целый подземный город, с котельной, машинным залом, лазаретом и множеством подсобных помещений. Здесь же че-

тыре крупнокалиберных орудия.

Всю мощь подземного форта гитлеровцы испытали на себе 7 ноября 1941 года: в этот день 35-я батарея впервые открыла огонь по врагу.

Обнаружив форт, фашисты обрушили на него шквал огня. Обугленная, выжженная земля вокруг батареи покрылась воронками, осколками бомб и снарядов. Было повреждено одно орудие. Но вскоре севастопольцы снова услышали оглушительные залпы.

Гитлер торопил Манштейна с захватом Севастополя. Мечтающий о жезле фельдмаршала, генерал назначил третий штурм на утро 7 июня 1942 года. Тщательно засекреченную операцию назвали «Лов осетра». К этому времени противник подтянул к городу более двух тысяч орудий и минометов, в том числе две 615-миллиметровые мортиры типа «Карл». Кроме того, под Севастополь доставили сверхмощную пушку «Дора». Один снаряд 800-миллиметрового чудища весил почти семь тонн! Позже историки подсчитали, что на каждый метр обороны было сброшено полторы тонны смертоносного металла. 35-й батарее досталось еще больше. Но под любым огнем батарея жила, и не просто жила, а вела огонь по врагу.

Во время одной из артиллерийских дуэлей на форт под прикрытием истребителей налетели около двадцати бомбардировщиков противника. Земля закипела от разрывов авиабомб. Потом тяжелый снаряд врага накрыл наблюдательный пункт. С каждым днем таяли ряды наших бойцов.

В конце июня все возможности обороны были исчерпаны. Кольцо блокады замкнулось. В те дни 35-й береговой батарее было суждено стать последним оплотом Севастополя: в казематах форта находился запасной командный пункт Севастопольского оборонительного района. Ночью тридцатого июня сюда прибыли вице-адмирал Ф. С. Октябрьский, член Военного совета флота, дивизионный комиссар Н. М. Кулаков, командующий Приморской армией генерал-майор И. Е. Петров и другие. В кают-компании батареи состоялось последнее заседание Военного совета. Учитывая критическое положение, было решено эвакуировать командование оборонительного района, оставив в Севастополе командира 109-й стрелковой дивизии генерал-майора П. Г. Новикова.

После заседания вице-адмирал Ф. С. Октябрьский вызвал командира батареи капитана А. Лещенко и отдал приказ взорвать батарею после того, как будет израсходован последний снаряд.

Первого июля гитлеровцы прорвались к городку батареи, находящемуся в трех километрах от форта. Под прикрытием танков они метр за метром продвигались вперед. Сделав последний залп, А. Лещенко приказал взорвать башни. Подрывная партия во главе со старшим сержантом А. Побыванцом выполнила приказ: в ночь на второе июля мощные взрывы потрясли все вокруг. Но, уничтожив орудия, черноморцы продолжали борьбу с врагом.

Следующей ночью к батарее прорвались тральщики «Взрыв» и «Защитник», но не смогли подойти к пристани. До них добирались вплавь. Подобрав несколько сотен человек, тральщики ушли в Новороссийск. Прижатые к морю, батарейцы яростно дрались на крошечном клочке севастопольской земли. Отдельные группы бойцов пытались прорвать позиции врага, но превосходство противника было огромно. Четвертого июля фашисты оказались на территории форта. Оставшиеся в живых отошли под скалы на берег моря. Кое-кто остался в казематах батареи.

Участник боев за форт старший политрук В. Моисеев рассказывает об этих днях:

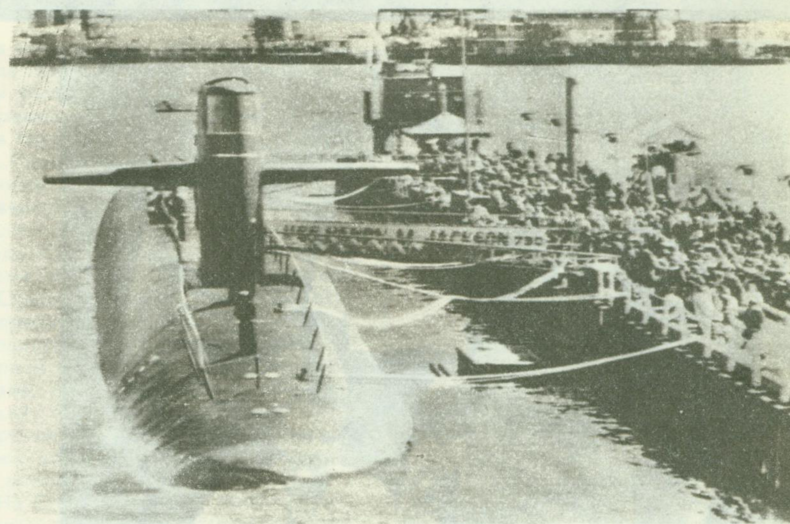
— Отбивая атаки, бойцы медленно отходили к морю. Мы вчетвером в конце концов оказались в фильтрационном отсеке каземата. Выход к морю преграждали толстые металлические решетки. А немцы забрасывали нас гранатами. И тут удалось разыскать кусок троса: мы разделили его на пряди и связали. Один из прутьев решетки оказался чуть короче остальных, и его удалось отогнуть. Как назло, наступил рассвет. А днем на море патрулировали немецкие катера и всех находившихся под скалами расстреливали из пулеметов. Пришлось ждать темноты. Из западни мы выбрались только вечером. Ухватившись за тонкий трос, стали спускаться к морю. Руки рвали металлические нити, ладони горели от боли, брызнула кровь. В довершение всех бед трос оказался коротким, и последние метры мы летели вниз, ударяясь об острые камни.

Под скалами мы находились несколько суток. Пытались прорваться к Балаклаве, но безуспешно. Без воды и пищи, отбивая оружие у врага, дрались до десятого июля. Потом решили уходить морем: к деревянным кузовам автомашин привязывали надутые автомобильные камеры, внутрь клали раненых и плыли, держась за борт. Тех, кто смог прорваться мимо фашистских катеров, подобрали наши подводные лодки.

* * *

Часы, проведенные под землей, позади. После темноты и душного воздуха казематов особенно радует свежий морской ветерок, яркое солнце. Мы стоим у крутого обрыва, на выжженном зноем клочке земли. Вокруг — безмолвные и впечатляющие глыбы форта.

Камни 35-й батареи говорят о многом. И каждый год в подземелье уходят поисковые группы в надежде узнать что-то новое о судьбах защитников легендарного форта. Бесценных находок уже много. Но немало их, как считают участники экспедиций, впереди...

Кадр из фильма: подводная лодка «Трайдент» — ударная сила ядерной войны, реальная угроза существованию цивилизации.

«ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ОБ ОПАСНОСТИ»

16 июля 1945 года не отмечено в обычных календарях, хотя этот день — один из самых черных в современной истории — день рождения атомной бомбы.

В то июльское утро, в 5 часов 30 минут, необычайной, неземной яркости свет залил горы и тучи, и колоссальной силы удар обрушился на окрестности Аламогордо, в пустынном уголке штата Нью-Мексико. Как утверждают биографы бомбы и ее творцов, наблюдавшему за взрывом Роберту Оппенгеймеру, научному руководителю «сверхлаборатории», которой было поручено реализовать Манхэттенский проект, вспомнилась тогда строка из древнего индийского эпоса: «Я становлюсь смертью, сокрушителем миров...»

Что ж, он верно оценил военное значение новой бомбы. Это было оружие, которое отличалось от всех прежних. Отличалось принципиально.

Прежние убивали человека.

Это было способно убить человечество.

...Такой вывод лег в основу созданного советскими кинодокументалистами фильма «Предупреждение об опасности». В самом названии фильма его суть, его содержание. Это фильм о том, чего нельзя допустить ни при каких обстоятельствах,— о ядерной войне, опасность которой многократно возросла со времен того памятного утра 1945 года и велика сегодня как никогда.

«...Бомбардировщик «В-1». Способен нести суммарный заряд, превышающий по мощности все, что было взорвано человечеством за всю историю войн.

Межконтинентальная баллистическая ракета «МХ». Ее десять разделяющихся боеголовок — это пятьсот Хиросим или взрывной эквивалент второй мировой войны...»

Нет, не для запугивания зрителя звучат с экрана эти слова. И не ради демонстрации возможностей современной боевой техники показаны старты ракет из-под воды и поражающие воображение, до предела насыщенные электроникой командные пункты, рассчитанные на то, чтобы остаться неуязвимыми в случае третьей мировой. Четкая историческая логика фильма в очередной раз демонстрирует нам виновника современной гонки вооружений — империализм, в первую очередь американский, который в попытках добиться военного превосходства над СССР не останавливается ни перед чем.

И вот мысль, пожалуй, важнейшая в картине: человечество должно научиться в этой ситуации мыслить по-новому. И недаром в начале фильма есть такие слова: «Мы должны спрашивать себя не о том, какие шаги надо предпринять для достижения военной победы того лагеря, к которому мы принадлежим, ибо таких шагов больше не существует; мы должны задать себе другой вопрос: какие шаги можно предпринять для предупреждения военного конфликта, исход которого будет катастрофическим для всех его участников».

Это слова из манифеста Рассела — Эйнштейна — документа, с которым обратились к мировой общественности выдающиеся ученые. Строки написаны более четверти века назад, но сегодня они актуальнее, чем когда-либо.

Научиться мыслить по-новому... Это значит прозреть. Это значит осознать опасность. И прозрение приходит. Даже к тем, кто своими руками создавал орудия смерти и составлял планы агрессий. Мог ли, например, кто-либо еще десять — пятнадцать лет назад предположить, что против войны будут выступать генералы? Вряд ли. Однако сегодня это реальность. Один из них — генерал бундесвера Герд Бастиан: «...Если генерал убежден в том, что новая гонка ядерных вооружений, которую ведет НАТО, не укрепит нашу безопасность, а сделает ядерную войну, в первую очередь ядерную войну в Европе, более вероятной, он обязан выступить против этой бессмыслицы».

Прозрение? Да. Запоздалое? Возможно. Тем не менее это факт, весьма характерный для нашего времени.

Авторы картины не оставляют в стороне и те сложные вопросы, однозначного ответа на которые сегодня еще нет. «Сколько лет существуют войны,— говорят они,— столько лет были противники войн. Они были против, но войны продолжались. Сможет ли остановить войну антивоенное движение восьмидесятых годов?..»

Мы с вами свидетели размаха этого движения. Впервые в истории человечества в таком масштабе, с небывалой широтой происходит объединение людей независимо от политических и религиозных взглядов, независимо от социального положения, объединение для борьбы с общей угрозой. Сам фильм «Предупреждение об опасности» — призыв к такой борьбе. Всякий уход от борьбы, утверждает картина, есть поражение. И, как бы подчеркивая эту мысль, звучат с экрана удивительно современные, хотя и сказанные почти за полвека до первых ядерных взрывов слова Льва Толстого: «Я хочу, чтобы любовь к миру перестала быть робким стремлением народов, приходящих в ужас при виде бедствий войны, а чтобы она стала непоколебимым требованием честной совести».

А. СОКОЛОВ

Центральная ордена Ленина и ордена Красного Знамени студия документальных фильмов, Москва. Авторы — Генрих Гурков, Джемма Фирсова. Фильм отмечен Особым призом жюри Всесоюзного кинофестиваля в Киеве и двумя призами Международного кинофестиваля в Карловых Варах.

Игра

Юрий БОНДАРЕВ

РОМАН

Рисунки Е. БОНДАРЕВОЙ, А. УСТИНОВИЧА

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Уснул он поздно.

С вечера и до глубокой ночи читал дневники Льва Толстого, которые были его отдушиной и его беспокойством, открытые им лет десять назад, когда он был наивен, дерзок, доверчив и бессмертен, ибо не предполагал в ту пору многого, что познал и понял после пятидесяти лет. Он не задумывался всерьез, что в неизбежный срок надо будет сходить на конечной станции и навечно оставить в уютном и грустном земном купе весь свой наработанный целой жизнью багаж, по-видимому, ненужный безжалостному будущему с его рационализмом технологической и машинной эры, тем более что память людская — величина непостоянная.

Но всякий раз в дневниках он находил то, что успокаивало Толстого убеждением и возбуждало страждущей верой в усовершенствование мира посредством обращения к самому себе ради увеличения любви друг к другу, любви не плотской, не физической, а духовной. В ее обнаженной, даже насильственной разумности он видел ключ ко всей нравственной жизни великого человека в последние его годы, и, натыкаясь на следующей странице на сострадающую всему человечеству фразу: «Как же мы можем кого-нибудь не любить, когда знаем, что все приговорены»,— он снова возвращался к записи о науке и искусстве, которые — «только при братской жизни они будут другие».

«Что сказал бы он? — думал Крымов, положив книгу на грудь, глядя в потолок на зеленый круг настольной лампы, зажженной у изголовья.— К сожалению, не произошло увеличения любви, братская жизнь не наступила, а мы так неистово ждали ее после войны. Сытость и соблазн материальными благами не сделали многих из нас лучше. Кто виноват? Мы все. Мы слишком заботились о легкой жизни и забыли о главном — во имя чего дана жизнь. Да, вот здесь... на тридцатой странице... какие точные, какие современные слова: «Добро, обличающее людей в их зле, совершенно искренне принимается ими за зло. Так что милосердие, смирение, любовь даже представляется им чем-то противным, возмутительным». Почему все-таки не произошло совершенствование? Война? Выбита лучшая часть нации? Вернее всего: мы до сих пор не заделали бреши. Куда исчезли иные нравственные правила, без которых Россия немыслима? Вот какие он пишет слова неуспокоения: «То, что называют цивилизацией, есть рост человечества. Рост необходим, нельзя про него говорить, хорошо ли это или дурно. Это есть — в нем жизнь. Как рост дерева. Но сук или силы жизни, растущие в суку, не правы, вредны, если они поглощают всю силу роста». И дальше еще отчаяннее: «Когда будет в людях то же, что в природе? Там борьба, но честная, простая, красивая. А тут подлая, я знаю — и ненавижу ее, потому что сам человек». А вот двадцать шестого июля девяносто шестого года еще безвыходнее: «И опять молюсь, кричу от боли. Запутался, завяз, сам не могу, но ненавижу себя и свою жизнь»...»

Эта ненависть к самому себе, резкое обнажение и неприятие дурного и ложного, когда «все нарядные, едят, пьют, требуют», не зная жертв народа ради этого, и сожаление об утрате молодых радостей, молодого веселья, боязнь «перехода» и спокойное ожидание смерти, ежедневное неустройство в семье («...несть пророк без чести»), возникшее из-за тяжелого непонимания между ним и сыновьями, смирение и вдруг восторг перед сущим («Жизнь, какая бы ни была, есть благо, выше которого нет никакого») — все это не было для Крымова чтением. А было особым наслаждением, болью, соучастием в том мучительном, до предела искреннем подвиге, земным и вместе поднебесным, когда все соединенные пороки, страсти, ложные пути и беды человеческие хотел великий добровольный мученик взять на свою душу, простить нелюбимых и, думая о них с любовью, спасти мир...

Вместе с болью наслаждения, упиваясь душевной обнаженностью чужой мысли, Крымов порой не без всезнающего современного цинизма (который в те минуты постыдно жил в нем), споря с одержимой и противоречивой верой пророка, начинал ненавидеть и в чем-то прощать собственное честолюбие и неискренность. Он ненавидел взаимную фальшь вынужденного товарищества, взаимного восхищения коллег, что походило на выдуманный праздник постоянного успеха почти у каждого снявшего мало-мальски сносную картину («О родной, видел, видел, слов нет, сам платок доставал, когда у тебя сцена неудачной атаки... Какой ракурс, какая сила! Разреши, друг, от всей души обнять тебя и поздравить!»). И ненавидя это притворное доброжелательство, артистично и не всегда артистично разыгранное, эту узаконенную форму безопасной лести, выражающей не любовь к таланту собрата, а закамуфлированную гордыню, зависть и равнодушие, Крымов сознавал, что со многими что-то случилось лет пятнадцать—двадцать назад, нечто, разрушающее, пожалуй, самое главное в нем, Крымове («Мечтатель, идеалист!»),— надежду на братство, так всем необходимую, надежду, родившуюся после войны и незаметно и постепенно замененную вожделенной заботой о материальном благе.

«Цивилизация достигла невиданного расцвета во второй половине двадцатого века...», «Человек надел узду на природу...», «Мы живем в разумный век небывалого технического прогресса»—морщась, Крымов вспоминал выступления оппонентов на парижской дискуссии о его фильме и, вспоминая, представлял прошлогоднюю киноэкспедицию на край света, на Север, на Печору, где он снимал последние кадры «Необъявленной войны»...

Баркас, постукивая мотором, подходил к кольям, вбитым, расставленным поперек Печоры, где четыре лодки, покачиваясь на темной волне, выбирали сеть, вытаскивали ее, тяжелую, намокшую. И жирно, скользко блестели желтые прорезиненные робы рыбаков, их наклоненные над бортами капюшоны, их руки в резиновых перчатках. Они работали споро, оцепливая и суживая кольцо вокруг кого-то, пока еще невидимого в воде, невозмутимо спокойной, черной. И внезапно меж лодок мощно брызнуло белым огнем — над сетью скрестилось несколько сверканий молний. Этот неожиданный взрыв воды вздыбил фонтаны брызг в середине пространства, окруженного лодками, и, подхваченным сигналом, ударил второй всплеск засверкавших молний, и разом вся вода у кольев зашумела, закипела, дико взбиваемая серебристыми зигзагами огромных мечущихся рыбин, охваченных паникой.

Они били хвостами, рвались, запутывались в сетях, судорожно стремясь выскользнуть, выпрыгнуть на волю из плена, из сжимающегося неумолимого кольца, эти красавицы самки и сильные самцы, выкованные самой природой из чистейшего серебра, исполненные главного инстинкта жизни — продолжения рода и остановленные беспощадной силой на пути к воспроизведению жизни: сети перекрывали Печору от берега до берега. И Крымову тогда показалось, что он услышал вопли о помощи, рыдания, плач, стоны, мольбу о пощаде, что можно было, наверное, услышать возле газовых камер в немецких концлагерях, когда сгоняли к ним раздетых женщин и детей и ясно было зачем...

— Мы их в сетях током убиваем,— сказал Крымову бригадир, смуглый, тонкий в поясе, с

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—6.

синими туманными глазами женолюба.— Вон поглядите как. Два электрода — и готово. Так гуманнее. Раньше палками заканчивали это дело, но крови было много!

— Давай! — крикнул кто-то над ухом Крымова.

И через его голову полетели в воду, кишащую гибкими сильными телами семги, два металлических короба с проволокой. Крупнолицый парень, моторист баркаса, равнодушным взором поглядывал в пасмурное небо, включил мотор, и мгновенно все успокоилось, затихло в воде, плотно оцепленной лодками,— ни всплеска, ни шума, ни сверкания. Метровые рыбины неподвижно лежали, покачиваясь на сетях слитками серебра, круглыми чернеющими глазами глядя в низкое, с ползущими тучами печорское небо, куда глядел и неулыбающийся моторист, равнодушный, невинный, только что совершивший умерщвление.

И железистым запахом смерти дохнуло на Крымова от этой покойницкой тишины меж лодок, и с томящей спазмой потянуло на тошноту при мысли, что сегодня утром он ел мясо убитой электричеством семги, так же как в определенный срок нечто ожидающее с жадностью будет есть мясо всех вот этих убийц, кто был сейчас в лодках (и его тоже), ибо закон периодов для семги, червя и человека в природе один с разницей в ступенях биологической лестницы, при общей равности перед вечностью. Однако призванный им на помощь жалкий, но порой и спасительный цинизм не давал разумного объяснения человеческой неумеренности.

Эти красавицы семги шли из Атлантического океана мимо Кольского полуострова, прорываясь сквозь первое окружение сетей, поставленных норвежцами, шли в Печору, к ее истокам, в маленькие реки, где на перекатах самцы должны вырыть носом ямку в гальке и оплодотворить в ней молокой выметанную самкой икру, зарыть ямку и, уже обессиленными, едва шевелясь, вновь скатиться в море. Мальки же через три года должны были направиться вслед за ними, чтобы спустя семь-восемь лет вернуться, томимые любовью, и попасть в плен и на «электрический стул», изобретенный изощренным в способах убийств человеком, и не для избавления от голода, а для «высокого стола» городских ресторанов и банкетов.

«Напрасно я вспоминаю об этом. Нет ответа на запрограммированную неразумность, которая через двадцать лет умертвит все живое даже на Севере. Этот с женолюбивыми глазами бригадир сказал: «Через десяток лет тут ни одной рыбешки днем с огнем... Мы ее прогрессивным способом добываем. Как лес вроде — валим и валим».

Но больше всего поразила Крымова мертвенность, кладбищенский ветер над той землей, где было последнее прибежище несравненного Аввакума.

Он увидел это через час после Печоры.

...— Вниз посмотрите! Там Пустозерск!

— Где? Пока не вижу!

— Да внизу, внизу город Пустозерск!

Вертолет завис над землей, найдя нужную точку в высоте, но там, внизу, в солнечной пропасти, не было никакого города — там среди унылой неоглядности равнинного единообразия блистали, вспыхивали бессмысленной игрой воды зеркала озер, вокруг которых лежала неживая, бурая тундра, сжимающая душу безнадежностью дикого, какого-то вневременного пространства.

Повисев между солнцем и землей, сатанински взревев мотором, вертолет начал быстро снижаться, опускаться к земле, и в окно стало видно, как резко заколебались, легли окружьем под ветром винта пересохшие травы, круто пошли волны по ближнему озеру. Мотор смолк. И в первобытной, ломящей уши тишине все точно очнулись, развязали ремни, поднялись с мест и нерешительно, нетвердо сошли по железной лесенке, приставленной пилотами к борту вертолета, на кочковатую землю. Ослепленный оголенным солнцем, объятый хлынувшей со всех сторон тишиной, сладким воздухом беспредельного горизонта, Крымов огляделся, отыскивая признаки человеческого жилья, еще не веря, что это место должно было быть городом Пустозерском.

— А где дома? Где тут жили? — спросил недоуменно оператор.— Вот грусть-то, а?..

Безлюдье, солнечный северный день и ветер над плоскими озерами, над всем этим первозданным, богом забытым в своей грубой пустоте и древности простором. А там, где некогда стояли крепкие дома с широкими поветями, колодцы, прочные магазины, амбары, школа, жестокое разрушение прошлось нещадно, не оставляя никаких признаков живого. И печально было видеть заросшие бугры старых могил, останки полуистлевших крестов, и странно выделялись два новых, чрезвычайно крепких креста, недавно покрашенных голубой краской. Кто похоронен был здесь, как довезли сюда, за сотни километров по северной тундре тела умерших? И какая цель была в этом захоронении, где вокруг ни жилья, ни человеческого голоса? Лишь солнце, озера, глушь, ветер...

Спотыкаясь о кости в траве, Крымов следом за оператором подошел к высокому серому камню на бугорке погоста, сказал:

— Снимите здесь все.

— Значит, он? Огнепальный? — спросил оператор.

— Да, он.

Это был памятник протопопу Аввакуму, неистовому правдолюбцу, сожженному в Пустозерске царским повелением в семнадцатом веке, умерщвленному огнем в страдании за неистовый бунт против всемогущего патриарха Никона.

Подле камня Аввакума на высушенной солнцем, давно сбитой кем-то скамейке, потрескавшейся на дожде и ветру, кругло белели два маленьких черепа, по-видимому, младенческих, и отмытые временем добела младенческие берцовые кости, зачем-то положенные здесь, вероятно, из разрушенных могил.

— Этакими мы тут кажемся жалкими,— сказал оператор и в нерешительности опустил киноаппарат, погладил шершавый камень.— Страдалец. А какая у него силуха была и убеждение!

— Нам всем не хватает убеждения,— сказал Крымов.— К сожалению.

— Мы просто не знаем, где истина,— усмехнулся оператор.— Променяли на модный галстук и модную юбчонку с иностранной наклейкой на заднице.

Они стояли перед камнем, читая на нем слова о страстотерпце, непоколебимом, не сломленном, властью не наделенном, но поднявшем себя во имя своей правды и веры против царя всея Руси Алексея Михайловича и властолюбивого патриарха Никона, о не покоренном страданием и смертью протопопе. И Крымов вообразил, как он, привязанный, горел вот здесь, в подожженной с четырех сторон палачами избе, проклиная изменников, предателей веры, уже вконец обессиленный, но неистощимый в духовной страсти, и, сняв шапку, глядя на камень, мысленно просил у него сил, одержимости в режиссерском деле своем, зная, что других сил в помощь, кроме собственных, не будет.

Северное солнце пригревало, ветер обдувал Крымову голову на этой запущенной северной земле, где вместо старого русского городка, деревянных улиц, людских голосов, развешанных на кольях сетей теперь было заброшенное среди озер кладбище, усыпанное костями в траве.

Летчики, двое серьезных парней, тоже постояли вместе с Крымовым в молчании, сняли голубые фуражки, потом подошел низенький рыжий радист, оживленно сказал, что отсюда недалеко нашел две могилы, не то людьми, не то зверями разрытые,— в одной черепа, в другой кости рук и ног, видать, четвертовали кого-то,— и пригласил посмотреть.

— Нет,— отказался Крымов.— Хватит и этого.

Летчики с оператором ушли, а он присел на скамейку возле камня Аввакума, вблизи которого лежали выбеленные солнцем детские черепа, стараясь понять, почему они были положены рядом с ним, подвижником веры.

Когда вертолет, гудя мощным мотором, стал вертикально подыматься от земли Пустозерска, по-прежнему сияло оловянное предполярное солнце, по-прежнему оловянно отсвечивала озера, пустые, мертвые, никому не нужные сейчас, охраняемые жалкой толпой крестов и развороченных могил на покинутом погосте. По-прежнему онемело молчало безлюдье, а вертолет уносился в высоту от казненной и сожженной земли, на которой не было никого. И только на бугре серой свечой без огня торчал камень Аввакума, напоминая о яростной и святой убежденности страстотерпца, о ненасытной жестокости власти и о ничтожестве и равности всех перед единым небом и единым солнцем. И тогда Крымову подумалось, что если под этим небом уже нет такой энергии, нет духа, подобного несломленному протопопу Аввакуму, то цивилизация кончится тем, что над опустошенной землей, над круглой пустыней будет летать некто и видеть лишь черные пятна охладевшего человеческого жития.

Но что было общего между «электрическим стулом» на перекрытой сетями Печоре и Пустозерском? Почему он улетал с Севера подавленный, хотя тоненькая струйка сознания сопротивлялась в нем, пробивалась — весело и беззаботно — с надеждой на что-то нескончаемое, спасительно иное...

«Надежда? Что это — ложь или правда? На что мы надеемся? Нам не хватает веры в самих себя»,— думал Крымов, повернув голову к раскрытому над тахтой окну, откуда вливалась пахучая свежесть ночного сада. С края окна треугольно чернел силуэт чердака в чуть светлеющем над застывшими березами небе, где было покойно и мягко теплились звезды, а под низкой предрассветной луной серебристыми переливами круглились купы сада, оглушаемого с близкой реки блаженным стоном лягушек.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В десятом часу утра на студийной машине приехал директор картины Молочков, вместе с ним — режиссер Анатолий Петрович Стишов. Это был давний друг Крымова, человек с приятными, не вполне современными манерами, по-старомодному изысканно учтивый, неизменный кумир и любимец занятых в его картинах молодых актеров, зачарованных его благожелательной обходительностью, тонкими чертами лица патриция и его загадочной жизнью вдовца. Увидев Стишова, входившего в калитку, высокого, изящного, в облегавшем сухощавую фигуру светлом костюме, Крымов обрадованно кинулся навстречу, обнял его, пахнущего после педантичного бритья каким-то заморским одеколоном, заговорил с волнением:

— Какой же ты молодец, Толя, спасибо, что приехал! Мне тебя очень не хватало, друг мой!..

— Нечто напоминающее ничтожный комплимент презрительно пропускаю мимо ушей,— сказал Стишов невозмутимо и спросил совершенно другим, околдовывающим любезностью тоном: — А где твои милые женщины? Я хотел бы их увидеть. Хотя бы на миг. Такое в этом мире возможно?

— Ох, я тоже хотел бы увидеть ваших красавиц! — воскликнул Молочков, восторженно вращая глазами, и двумя руками потискал руку Крымова.— Ох, как я рад!..

— Ты безудержный льстец, Терентий, что известно,— сказал Крымов и взял под локоть Стишова.— Между тем одна очаровательная женщина занимается физическим трудом, перед тем как идти на пляж. Другая, к сожалению, уже в Москве, в своем проектном архитектурном институте.

Крымов ответил в тон Стишову, узнавая словесную манеру друга, в то же время откровенно озадаченный этим нежданным, без телефонного звонка, объединенным приездом (Стишов обычно приезжал один на своей машине), однако вопроса не задал, повел Анатолия Петровича по дорожке в конец сада, где в утренней тени сосен, теплеющих стволами за крышей гаража, двигалась около машины Таня, немного заспанная, похожая на деревенского мальчишку, в засученной по локти рубашке, в подвернутых старых брюках, и звонко била из шланга упругой, радугой пылящейся под солнцем струей в обтекающие ручьями стекла машины, что, по-видимому, приносило ей удовольствие: ее чуть-чуть припухшие от сна глаза задорно щурились.

— Дочь, к нам гости,— сказал Крымов, но тотчас Стишов опередил его и заговорил голосом неотразимой учтивости:

— Милая Таня, хотя разумом понимаю, что привозить из Москвы цветы — нонсенс, тем не

Ян Стен. 1625/1626—1679. ЛЮБОВНЫЙ НЕДУГ. Около 1660.

Старая Пинакотека. Мюнхен.

Франсуа Буше. 1703—1770. ОТДЫХАЮЩАЯ ДЕВУШКА. 1752. Старая Пинакотека. Мюнхен.

менее не мог не вспомнить подле цветочного магазина, что вы и Ольга Евгеньевна любите гвоздики!

— Как хорошо, что вы приехали, здравствуйте! Вы давно у нас не были, Анатолий Петрович! Спасибо!

И Таня, сияя зубами, радостной юностью здоровья, неизбывным озорством, бросила в траву шипящий шланг, откинула волосы с неумелой кокетливостью женщины-девочки, ревниво удивившей Крымова, двумя мокрыми пальцами взяла букетик гвоздик, протянутых с поклоном Стишовым.

— Таня, кто ваш эксплуататор? Отец? А вы знаете, что такое прибавочная стоимость?

— Я положительный герой нашей действительности. Потому вам и папе советую заниматься физзарядкой по утрам,— сказала Таня, нюхая гвоздики.— Вы, понятно, не занимаетесь, Анатолий Петрович?

— Ах, Танечка! — вскричал Молочков, всплескивая руками.— Анатолий Петрович — теннисист, вы видите, какая у него спортивная подтянутость!

— Клевета. Наговоры,— возразил Стишов.— Представьте, Таня, сердцу запрограммировано сделать за жизнь человеческую семьдесят миллионов ударов. С какой стати ему делать усилия сверх программы? Не лишняя ли нагрузка? Впрочем, лгу вам, это философия ленивцев. Кое-какие жесты делаю, разумеется, для поддержания формы и романтического настроения, ибо утром вставать и с оптимизмом смотреть на лучший из миров просто необходимо.

— Да, именно романтического настроения,— проговорил Крымов с нажимом и повел Стишова в глубину сада, к столу под яблонями, взглядывая на него в некотором раздумье.— Что касается меня, то по утрам настроение еще в младенческой поре... Садись, будем пить кофе. Ты почувствуешь на свежем воздухе, что это за наслаждение. Терентий, ты ведь знаешь, где разогреть кофейник. Будь добр, если нетрудно...

Крымов уловил в своем приказывающем тоне нотку раздражения, точно после вчерашнего разговора в студии директор картины мешал сейчас и ему и Стишову, но Молочков, выказывая сухонькой фигуркой счастливую готовность, вскричал с охотой: «Один секунд, айн момент!» — и артистическим жестом официанта из детективного кинофильма подхватил со стола кофейник, легконого бросился по дорожке к террасе, мотая полами чесучовой куртки.

Они сели за стол под ветвями яблони, сладко обдавшей запахом листвы, еще не совсем просохшей от росы. Здесь вкусно чувствовался на чистом воздухе аромат хлеба, аккуратно нарезанного в корзиночке Ольгой, пресный аромат сливочного масла, горкой белеющего в зеленой масленке, свежих ломтиков голландского сыра на тарелке — и эти запахи, и волнистая солнечная сеть на клеенке, и звук осы над блюдцем с джемом были восприняты Стишовым с одобрением человека, понимающего толк в приятностях жизни.

— Давненько я не чувствовал запах хлеба на свежем воздухе.

Он освобожденно отклонился в полотняном кресле, расстегнул пуговицу на пиджаке и, нагнув к лицу ветку, отяжеленную краснеющими яблоками, потянул носом.

— Чудо. Сказка. Джем, осы, масло, созревающие яблоки... Буду приезжать к тебе завтракать, превращусь в нахлебника. Подходя к столу, буду гудеть утробно, с поясными поклонами: «Доброго здравьица...» — И, отпустив ветку, закинул ногу на ногу, взглянул голубыми глазами на Крымова.— А если серьезно, то, несмотря на всю эту прелесть, Вячеслав, вид у тебя не очень... Не будешь возражать, если я задам тебе два вопроса?

— Согласен,— сказал Крымов.— Но сначала скажи, что тебя объединило с Молочковым в этом приезде? Хотел сначала удивиться, но... Впрочем, могу догадаться. Дирекция студии, по-видимому, предлагает тебе поставить мою картину, которая, как известно, остановлена.

— Боже упаси! — сделал протестующий жест Стишов, и запонка на рукаве его белейшей сорочки просверкала кошачьим зрачком.— На это я бы не согласился никогда. Ни при каких условиях. Даже если бы мне обещали по сто тысяч за съемочный час и гарем падишаха каждое воскресенье. Я, знаешь ли, как-то в себе еще не почувствовал штрейкбрехера.

— А я был бы рад твоей кандидатуре. Именно твоей. Но для верности они будут искать ремесленника. Средний фильм, как ты знаешь, не вызывает у начальства неудовольствия. Равнобедренный треугольник середины устраивает многих.

— Вячеслав, все пройдет и минует. Фигурки студийного начальства займут на шахматной доске свои места в ожидании, когда их передвинут, и свой фильм будешь снимать ты,— сказал Стишов, со вкусом закуривая, гася спичку гибким помахиваньем кисти, со вкусом вдыхая дым, и Крымов улыбнулся с благодарностью к нему за воспитанное умение смягчать то, что едва поддавалось терпеливому уравновешиванию.— Теперь вопрос первый: почему не позвонил, прибыв из Парижа, легкомысленный ты человек?

— Хотелось прийти в себя. Самочувствие было там не вполне как надо.

— А что?

— Да как покороче тебе сказать...— Крымов помолчал, поглаживая небритую щеку.— Два месяца разбираюсь в самом себе. Очаровательная это штука — депрессия. Да и что другое может быть у современного русского интеллигента, когда ему кажется, что он виноват перед всем миром.

— Ищешь, стало быть, в этом спасение. Не ты первый. Все мы, Вячеслав, прожили жизнь не так, как хотели бы. Где она, долгоискомая, все примиряющая истина? Как только человек начал думать о себе и братьях своих, он ужаснулся несовершенству сущего и своих близких.

— Не удивляйся, Толя, сегодня ночью я думал о протопопе Аввакуме и о великом самообмане, которому мы все подвержены,— сказал Крымов, нахмуренно разминая сигарету.— Дело, вероятно, в том, Толя, что каждому из нас при жизни не хватает воли быть самим собою. Мы играем заданную роль, а не живем естественно. Знаешь, в чем вина мировой интеллигенции, и в том числе наша с тобой? Сон, инерция разума и покорность обстоятельствам. Все мы пленники обстоятельств...

— А по-моему, твоя гордыня наживает тебе врагов и вызывает недовольное изумление начальства.

— Если бы гордыня, Толя! Игрушки. Я думаю все время об Ирине Скворцовой. Милая, чистая, талантливая. И именно она не выдержала грязи и лжи. Вот это и есть покорность.

— А может быть, наоборот.— С задумчивым лицом Стишов положил руку на колено Крымова.— Но тоже не уверен. Трудно вообразить, чтобы такая удивительная девочка, получив роль, вдруг решилась... Скорее всего несчастный, трагический случай.

— Ее смерть для меня загадка, Толя.

Стишов помедлил, осторожно высвободил чайной ложечкой осу, увязшую в блюдце с клубничным джемом, сказал:

— Слышал ли ты, дружище, что есть на свете средство от бессонницы и для общего успокоения? Валиум. Испробовал на себе, поверь — сплю, как индюк, никаких вечных вопросов, просто в полнейшем недоумении. Отдыхаю, снятся молоденькие индюшки в каких-то коротких фартучках. Возникло игривое направление ума.

— Вот это и есть инерция разума, дорогой Толя.

— Сейчас ты меня будешь ругать еще крепче,— сказал Стишов сокрушенно.— Ругай коварную скотину. Прошу, ругай.

— Выругаю. Но за что?

— Слабым разумом я понимаю, что во всех глупостях мы должны винить самих себя. Позволь спросить: кому мстит неудачник? Самому себе. Неудачник насквозь нудила и себялюбец. Хочется хотя бы перед собственной персоной выглядеть поумнее. Неудачник этот — я. Ибо скот и тряпка. Не мог отказать. Наш турецкий балабан пригласил меня сегодня в восемь утра и в течение получаса багровел так, что от его ужасающей багровости можно было прикуривать: засучивал рукава, уговаривал, сопел, едва не рыдал...

— Да что такое?

— Чтобы быть мне поумней, сперва ответь на второй мой вопрос, а потом уж в шею, в шею, взашей меня, дурака... Скажи, Вячеслав, у тебя есть желание встретиться с Джоном Гричмаром? Имя это, конечно, тебе известно...

— Что значит «встретиться»? — раздраженно дернул плечами Крымов, не беря в толк, почему Стишов спрашивает его об этом и почему возникло имя американского режиссера и продюсера Джона Гричмара.— Я в Париже не раз встречался с ним, и, что называется, в кабаках было выпито много виски. Он в Москве, что ли?

— Он приехал вчера. По дороге из Парижа в Америку. И рвется к тебе, хочет встречи только с тобой. И никого другого не признает. Сперва ему говорили, что ты болен, то да се, а Гричмар заявил, что останется в Москве до тех пор, пока не увидит тебя. В общем, балабан в тихой панике, впал в полную багровость и, зная о наших с тобой отношениях, чуть не на коленях умолял уговорить тебя встретиться с Гричмаром. Кстати, вся студия говорит, что у тебя с балабаном был крупный диалог. О боже, нашла коса на камень! Представляю, как вы орали друг на друга и ломали в кабинете стулья.

— Был полукорректный разговор, но стульев никто не ломал. Хотя пора бы уже,— сказал Крымов.— Понимаешь, в чем мерзость? Некоторой студийной публике почему-то нравится, когда кто-нибудь из заметных попадает в сложное или неудобное положение. Откуда, скажи мне, злорадство? Может быть, это разряженная зависть, которая уже стала сильнее ненависти? Вон, вишь ты, такой известный человек, денег — куры не клюют, каждый день небось в ванне с шампанским купается, а че оказалось-то: развратник, пьяница подколодный, убийца, да к ногтю его, к ногтю, сволочь гордую, чтоб знал законы, как над людьми подыматься, чтоб знал, как жареный петух...

— Прискорбно,— сказал Стишов, следя, как меж ветвей яблонь в высокой синеве расходились, дымами таяли круглые облака.— К огорчению, испокон веку посредственность удобна, послушна и неопасна. Таланту же большей частью тайно завидуют, но его побаиваются и любить вынуждены. Ненавидя, любить... Так ты будешь встречаться, Вячеслав, или?.. Что мне прикажешь соврать балабану? — спросил Стишов и полулег в кресле, будто бы нежась, подставляя лицо воздуху, лучам солнца, сквозившим через листву; его серебряная седина, хорошо повязанный галстук, беспечная поза говорили о благополучии, о безмятежном равновесии духа, но голос звучал неестественно спокойно.— Я бы тебе посоветовал не обострять отношения с Балабановым. Он чиновник опасный и хитрая большая дубина, причем мстительная, что хуже всего. Я не хотел бы, чтобы ты нажил на студии врага нóмер один. Зачем тебе эти радости?

— А! Пусть идет он, идет и идет... все дальше, как в том известном анекдоте,— сказал рассерженно Крымов и, увидев на дорожке летящего от террасы на легких ногах Молочкова с кофейником, даже щелкнул пальцами, наигранно восхищенный: — Ну что за воспитанный у меня директор картины! Появляется тогда, когда необходимо. Поразительная интуиция.

— Ты на него не сердчай,— проговорил Стишов миролюбиво.— Он человек подчиненный во всех смыслах.

Весь излучая бодрость, энергию, услужливое расположение, Молочков подлетел к столу, без стука поставил кофейник на подставку, поводил носом над кофейником, заговорил с блаженством влюбленного:

— Ах, какой аромат идет, прямо голова кружится, умереть можно! Сейчас мы кофейку выпьем на садовом воздухе, как давеча говорил Вячеслав Андреевич, и все будет чудненько, чудненько! — И, разливая в чашки дымящийся кофе, преданно скосил возбужденные глаза на Крымова, слабым голосом проговорил с задышкой: — Не погубите, Вячеслав Андреевич, американец, Гричмар-то, только вас требует, а сам Балабанов к вам не осмелится... А на меня так надавил, чтоб вас я нашел, аж не знаю, как мне на студию возвращаться. На колени перед вами встану... Поговорите с капиталистом... Прогонит он меня, Балабанов, ежели не удастся с американцем. Миллионер все же он, картину с нами совместную хочет...

— Ну хватит, хватит, Терентий, изображать бедненького! — прервал Крымов.— Видеть тебя на коленях безмерное удовольствие. Подозреваю: ты скоро начнешь писать сентиментально-трагические сценарии из жизни директоров картин...

Продолжение следует.

— Эти липы я посадил сорок лет назад,— Семен Степанович Гейченко показал на небольшую аллейку стройных деревьев, отчетливо чернеющих на фоне занесенных снегом михайловских садов,— и теперь я знаю, как выглядели липы в «аллее Керн», когда их видел Пушкин,— тем деревьям было тоже около сорока лет.

Мы шли по заснеженной земле Пушкина и слушали Гейченко. И было это незабываемо. Не только потому, что он умеет удивительно передать в своих рассказах сам дух пушкинского времени; но потому — и это главное,— что рядом с нами был один из тех подвижников, радетелей культуры, благодаря которым, несмотря ни на что, не прерывается цепь памяти.

Четыре десятилетия минуло, как увидел он пепелище Михайловского. Сорок лет, день за днем, неустанного труда во имя Пушкина, и возрождены Михайловское, Тригорское, Петровское. Не музеи, нет, дома, которые любил поэт и которые помнят его. Да, помнят, несмотря на то, что построены они вновь сравнительно недавно. Потому что одухотворенные люди поднимали из руин пушкинские святыни. И первым был С. С. Гейченко. Он истинный хранитель этого края — чудесных парков, необозримых далей, серебристой белоснежности снежных лесов и тишины, незабываемой, поэтической тишины земли поэта.

У директора Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина, Героя Социалистического Труда С. С. Гейченко много идей и дел. И главное сейчас — строительство научно-музейного центра в Пушкинских горах. Гейченко мечтает открыть его в 1987 году, когда будет отмечаться 150 лет со дня гибели поэта.

Мы говорили с Семеном Степановичем о Пушкине, он увлеченно делился заботами и планами. Удивительно, но он успевает в своей «деловой круговерти» и писать. Книги Гейченко о Пушкине моментально становятся библиографической редкостью. И не случайно. Его взгляд точен, язык раскован и своеобразен, внимание к детали уникально, знания обширны.

В кабинете писателя, на его письменном столе у широкого окна, перед которым распахивается грустная зимой даль истинно пушкинского пейзажа, лежала рукопись нового маленького рассказа. Судьба той, к кому обращался поэт: «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты, как мимолетное виденье, как гений чистой красоты»,— его тема.

В. ЕНИШЕРЛОВ

Скамеечка из Михайловского

С. С. ГЕЙЧЕНКО

Листая страницы воспоминаний современников великого поэта, рассказывающих о нем, его родных, друзьях и недругах, его братьях-товарищах, женщинах, которых он любил и воспел в своих бессмертных творениях, мы часто встречаем имя Анны Петровны Керн, которое он обессмертил стихотворением «Я помню чудное мгновенье...».

Анна Петровна находилась в близких отношениях не только с А. С. Пушкиным, но и со всей его семьей, с его матерью Надеждой Осиповной, с отцом Сергеем Львовичем, с дочерью их Ольгой Сергеевной. Она была в родстве с обитателями Тригорского, была дружна с домом Дельвигов, где встречалась на литературных вечерах с А. С. Пушкиным, П. А. Вяземским, Д. В. Веневитиновым, В. А. Жуковским, П. А. Плетневым, Н. И. Гнедичем, И. А. Крыловым, А. Мицкевичем... Она близко познакомилась с композитором М. И. Глинкой, дружеские отношения с ним поддерживала много лет. На стихи Пушкина «Я помню чудное мгновенье...», посвященные ей, Михаил Иванович написал свой знаменитый романс, слушая который она плакала от умиления.

В своих воспоминаниях она рассказывала, с каким вдохновением композитор творил свою музыку на эти стихи Пушкина, как ему хотелось «на каждую строфу» стихотворения сочинить «особую музыку».

Когда сегодня вы проходите по залам литературных пушкинских музеев в Москве, Ленинграде, Бернове, Михайловском, Тригорском, Болдине, вы всюду встречаетесь с Анной Петровной, с ее воспоминаниями о поэте. Жизнь ее сложилась в кольце многих испытаний. Шестнадцати лет ее выдали замуж за старика генерала Е. Ф. Керна, который не пришелся ей по сердцу. Не было в ее семейной жизни, как говорится, ни складу, ни ладу, ни радости, ни веселья. Жизнь ее была сплошным путешествием из города в город, из края в край. Она жила в Орле и Лубнах, тверском Бернове и Елизаветграде, Стрельне и Дерпте, Риге, Пскове, Великих Луках, Киеве, Петергофе, Петербурге, Красном Селе, Москве...

После смерти мужа, которому в год кончины было 76 лет, она вскоре вторично вышла замуж за своего троюродного брата А. Маркова-Виноградского, который был много моложе ее, ей было за сорок лет!

С первым мужем жизнь ее была более или менее высокого ранга, муж все-таки был генерал! А жизнь с новым мужем — мелким чиновником была скромной, а на закате ее лет и совсем бедной. Последние годы своей земной юдоли она, как говорится; еле-еле сводила концы с концами. Бедность ее настолько обуревала, что она была вынуждена продавать письма Пушкина по 5 рублей за штуку!..

А писем его к ней было немало, в особенности в 1825 году — году их михайловской встречи, когда она, покинув Тригорское, уехала в Ригу. Оттуда Пушкин получает от Анны Петровны посылку с изданием сочинений Байрона, за что благодарит ее сердечно и посылает ей за книги деньги. Память о пребывании в Тригорском и Михайловском навсегда вошла в жизнь Керн.

Анна Петровна оставила в наследство всем поклонникам Пушкина целый ряд интересных писаний. Ее перу принадлежат «Воспоминания о Пушкине», которые занимают одно из главных мест среди биографических материалов о поэте, в них она поведала читателю многие факты из биографии не только Пушкина, но и Дельвига, Глинки и других ее друзей...

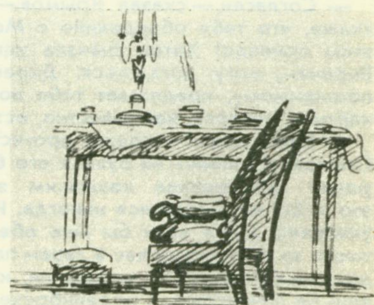
Когда вы входите в михайловский кабинет поэта, вы видите на полу рядом с рабочим креслом Пушкина подножную скамеечку, не ахти какую с точки зрения мебельного искусства, но вещь, типичную для обстановки комнат помещичьих домов того времени. Вещь эта не простая, а мемориальная, связанная с именами Пушкина и Анны Керн. Она появилась в Михайловском после того, как был воссоздан в 1949 году сожженный фашистами в 1944 году дом-музей поэта. До этого она находилась в фондах Пушкинского Дома (Институт русской литературы) Академии наук СССР, в состав которого в то время и входил Пушкинский заповедник. В описи музейных пушкинских реликвий Академии наук она записана так: «Скамеечка подножная, из села Михайловского. Четырехугольной формы, на четырех ножках. Обита серо-коричневым бархатом. Сохранность плохая. Сделана из дуба. Размер 33×25 сантиметров». В рукописном отделе Пушкинского Дома хранятся документы, рассказывающие историю этого предмета. Вот они в кратком изложении.

В 1942 году в дирекцию Дома поступило предложение от некоего гражданина, ленинградца П. П. Шагина приобрести у него настольную фарфоровую масляную лампу — изделие середины XIX века и ветхий столик красного дерева — вещи, принадлежавшие некогда А. П. Керн, доставшиеся Шагину от внучки Анны Петровны Аглаи Александровны Кульжинской (урожденной Дороган-Пыжевской), с которой он был лично знаком. Внучка Керн пережила в блокадном Ленинграде горестные, голодные дни и чтобы не умерла от истощения, ей оказал помощь Шагин. По словам его, она передала ему «в виде компенсации в счет взаимных денежных расчетов фарфоровую масляную лампу и столик».

Лампа была у Шагина куплена за 50 рублей, а столик к моменту перевозки его в Пушкинский Дом был Шагиным сломан и использован на дрова «для топки печки-буржуйки, ибо он умирал от холода, а топить печку было нечем...».

Кроме лампы, Шагин передал в Институт литературы подлинные документы: письмо А. А. Кульжинской о лампе и столике, адресованные еще перед войной дирекции Пушкинского Дома, запись 1894 года в метрической книге церкви Самары о бракосочетании ее, свидетельство Академии наук СССР за подписью академика Сергея Федоровича Ольденбурга о приемке вещей Керн в Пушкинский Дом академии. В своей записке к Ольденбургу Кульжинская пишет: «Я знаю, что в Михайловском сильно пострадал дом Пушкина, и

В михайловском кабинете Пушкина.

думаю, что вещи Керн будут весьма кстати».

В одном из своих писем к Кульжинской (4 октября 1906 г.) Ольденбург сообщает ей, что «22 сентября 1906 года им было доложено комиссии о пожертвовании Вами для будущих коллекций «Дома Пушкина» портрета Вашей бабушки А. П. Керн и пушкинской скамеечки, сохранившейся в Вашей семье...». Про эту скамеечку нам рассказывает сама Анна Петровна в своих «Воспоминаниях» о том, что в 1828—1829 годы в Петербурге Пушкин частенько бывал у нее в гостях. По ее словам, они вспоминали Тригорское, Михайловское... Она восхищалась его чтением «Цыган»... «...Он приехал ко мне вечером (19 января 1829 г.) и, усевшись на маленькой скамеечке (которая хранится у меня как святыня), написал на какой-то записке: «Я ехал к вам»... Писавши эти стихи и напевая их своим звучным голосом, он при стихе: «и месяц с левой стороны сопровождал меня уныло», заметил, смеясь: «Разумеется, с левой, потому что ехал назад».

Интересно отметить, что скамеечка внесена в фонд реликвий Пушкинского Дома не как «пушкинская скамеечка», не как «скамеечка Керн», а как «скамеечка из Михайловского». Нет никакого сомнения в том, что скамеечка, которая сегодня стоит в михайловском кабинете Пушкина, это и есть та самая, о которой пишет Анна Петровна и которую она хранила как реликвию.

Эту свою скамеечку она возила с собой, когда уже старушкой ездила к своим друзьям. Об этой скамеечке вспоминает великолукский помещик В. Рокотов, с которым была хорошо знакома Анна Петровна и бывала у него в гостях в пушкинские времена.

Летом 1860 года А. П. Керн решила вновь посетить пушкинский уголок земли, побывать в памятных для нее местах Пскова, Острова, в Тригорском, Михайловском. Но, увы... Встреча не состоялась. Сын поэта Григорий Александрович Пушкин был в отъезде, Осиповы-Вульф тоже были в отъезде. Она двинулась в Великие Луки к Рокотовым, у которых гостила несколько дней и присутствовала на одном из музыкальных вечеров. Рокотов рассказывает: «Подъехав к крыльцу, она еле-еле вышла из кареты и пошла ко мне навстречу. За ней шел кучер, несший маленькую подножную скамеечку. Войдя в дом и сев в кресло, она попросила подать ей скамеечку, положив на нее ноги, поправив юбку...»

Немного вещей сохранилось до наших дней из пушкинского обихода в подлинном виде. Беспощадное время унесло большинство их. Взамен мы видим сегодня в мемориальных музеях Михайловского и Тригорского дубликаты или вещи похожие, близкие по форме и содержанию к оригиналам. Дороги для нас вещи и верных друзей и приятелей Пушкина, которые несут в себе следы не только их владельцев, но и следы Пушкина. Среди таких вещей наша чудесная подножная скамеечка Анны Петровны Керн, бережно хранящая эхо пушкинских строк:

Я ехал к вам: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И месяц с правой стороны
Сопровождал мой бег ретивый.

Я ехал прочь: иные сны...
Душе влюбленной грустно было;
И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло.

Мечтанью вечному в тиши
Так предаемся мы, поэты:
Так суеверные приметы
Согласны с чувствами души.

БИБЛИОТЕКА НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

Д. С. ЛИХАЧЕВ,
академик

Только что вышедшие книги в серии «Библиотека народно-поэтического творчества», выпускаемой Лениздатом — карело-финский эпос «Калевала» и антология русских былин,— знаменательное событие в нашей культурной жизни. Советский Союз необычайно богат народной эпической поэзией, и без нее немыслимы не только истории наших литератур, но и культурная жизнь современности. Эпическая поэзия помогает нам понять национальное своеобразие каждого из составляющих нашу великую Родину народов.

М. Горький говорил о народной поэзии как о «безмерно глубокой, неисчислимо разнообразной, сильной и мудрой». Эти слова сохраняют полную силу и в наши дни и будут сохранять вечно.

Серия «Библиотека народно-поэтического творчества» отвечает постоянной потребности массового советского читателя.

Собранная почти полтораста лет назад скромным провинциальным врачом Элиасом Леннротом и обессмертившая его имя «Калевала» по праву начала теперь серию «Библиотека народно-поэтического творчества». Народные эпические песни-руны, записанные Леннротом от карельских крестьян, легли в основу сводной эпопеи, которая стала в один ряд с «Илиадой» и «Одиссеей» Гомера. Вторая книга серии — «Былины» — уже не литературный свод народных песен, а напечатанные в подлиннике знаменитые произведения русского народного эпоса, классическое устное наследие Киевской и Новгородской Руси. Это лучшие варианты былин, тщательно записанные у талантливейших народных певцов П. Рыбниковым, А. Гильфердингом, А. Григорьевым и другими русскими фольклористами-энтузиастами, а также превосходные тексты Кирши Данилова, относящиеся к XVIII веку, который, вероятно, сам был народным сказителем. Обе книги снабжены вводными статьями, дельными примечаниями и талантливо иллюстрированы *.

В основу издания «Калевалы» положен перевод ее на русский язык Л. Бельского. Выполненный около века назад, затем усовершенствованный самим автором и другими, снабженный важными редакционными уточнениями Мариэтты Шагинян, это ныне, бесспорно, лучший текст карело-финской эпопеи на русском языке и по точности перевода, и по его художественному совершенству.

Вступительная статья освещает особенности «Калевалы» — литературного свода разных по жанру фольклорных произведений. Полно раскрыто его значение и как поэтического памятника, который стал уже полтора столетия назад заслуженно известен далеко за пределами своей страны благодаря Леннроту. Объяснена историческая основа использованных им народных рун — повествований, отразивших древние общественные отношения и идеологию родового строя (хотя в этом эпосе есть и наслоения более поздних времен, что также отмечено в статье и примечаниях). Автор статьи указывает следы архаического художественного мышления в поэтическом языке рун — это показатели стадиальной древности «мифологического» эпоса, цельность которого Леннрот стремился восстановить. Хотя попытка собирателя сама по себе уже не отвечает сегодняшнему уровню науки о фольклоре, созданное им изумительное художественное единство имеет все же непреходящую ценность. О научной проблематике «Калевалы» в статье говорится просто и увлекательно.

Примечания поясняют отразившиеся в рунах мифологические представления, помогают понять содержание некоторых «темных» мест текста и те изменения, какие внес Леннрот в использованные им подлинные записи народной поэзии. Характеристики содержания этих рун иногда снабжены указаниями на интересные параллели в фольклоре других народов. Объяснены отдельные образы, понятия, народные термины в поэтическом тексте.

Более шести десятков былин, помещенных во второй книге, «Былины», представляют полный корпус основных произведений русского народного эпоса. Из трех тысяч записей отобран лучший вариант каждого былинного сюжета. Важно, что критериями при отборе служили не только поэтическое совершенство текста, его полнота, но и степень сохранности исторических деталей. Так, например, из лучших записей былины «Дунай Иванович — сват» для издания выбран тот вариант, где оказалась сохраннее, чем в других, исторически достоверная передача причин отказа сватам князя Владимира: ваш князь — «холопище». Как известно из летописи, указанием на низкое происхождение «робичича» Владимира (его мать была служанкой) мотивировался отказ выдать за него полоцкую княжну Рогнеду. Это позволяет яснее увидеть соотнесенность героической былины с имевшими место тысячу лет назад реальными обстоятельствами жизни знаменитого киевского князя Владимира Святославича. Сами тексты былин переданы с сохранением всех их художественных особенностей. Вместе с тем составитель устранил излишние для массового читателя особенности местных говоров, которые затрудняли бы чтение.

Вступительная статья хорошо представляет русский эпос. Раскрыты связь былин с историей народа, значение былинных художественных обобщений, идейная сущность народного героического эпоса, объяснены главные образы былинных героев, их отношение к историческим прототипам. Даются характеристики отдельных особенностей поэтики былин, сведения о наиболее выдающихся народных сказителях, об истории собирания и изучения народного эпоса. В популярной форме автор излагает интересные для массового читателя результаты недавних исследований — например, о роли Новгорода и Новгородской земли в окончательном формировании, дошедшего до нас в устах северных крестьян древнерусского эпоса. Показано, каким образом исторически правдивое описание в устном эпосе реальных фактов истории народа перерастало в художественное обобщение. Объяснено происхождение фантастических элементов в былинных повествованиях, сложение эпических циклов вокруг особенно полюбившихся народу образов Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича. Статья помогает проникнуться величием национального эпического наследия, ощутить его огромную историко-культурную и художественную ценность.

В примечаниях основное место уделено историческим сведениям о событиях, послуживших материалом былинных сюжетов. В относительно недавних антологиях былин такие сведения, к сожалению, отсутствовали, а более ранние сборники давно стали библиографическими редкостями, да и в них не были еще учтены результаты недавних исследований ученых. По необходимости очень кратко составитель сообщил о наиболее убедительном историческом приурочении былины во всех случаях, когда это можно сделать. Читатель, который захочет полнее познакомиться с результатами изучения русского народного эпоса, может обратиться к книгам, написанным специалистами: многие труды советских былиноведов указаны в примечаниях. Удобен приложенный к книге краткий словарь: читатель найдет здесь необходимые пояснения попадающихся в былинах слов и оборотов, которые давно исчезли из повседневной речи или существуют только в некоторых местных говорах.

Судя по уже вышедшим книгам, можно сделать некоторые заключения о структуре серии. Вероятно, в ней и дальше будут печататься сборники классических произведений русского фольклора, а также наиболее значительные памятники многонационального народного поэтического творчества нашей страны (по плану издательства в этой серии в 1985 году выпускается сборник русских героических сказок — «Бой на Калиновом мосту»). Хочется пожелать, чтобы серия стала своеобразным малым сводом фольклора нашей исключительно богатой произведениями устного народного творчества многонациональной Родины. Видимо, следует ждать следующих книг, надеюсь, что среди них будут, например, столь же добротно подготовленные антологии русских лирических песен, народных баллад, пословиц, других жанров устной поэзии русского народа, украинских дум, среднеазиатских дастанов и т. д. Выпуск таких книг, безусловно, способствовал бы воспитанию социалистического патриотизма, неразрывно связанного с интернационализмом.

* Калевала. Перевод с финского Л. П. Бельского. Вступительная статья и примечания С. Я. Серова. Лениздат, 1984, 574 с.
Былины. Подготовка текстов, вступительная статья и примечания С. Н. Азбелева. Лениздат, 1984, 398 с.

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО!

СДЕЛАЛИ И... ЗАРЫЛИ В СНЕГ

Три с лишним года назад в статье «Птенец гнезда Петрова» (№ 32, 1981 г.) «Огонек» писал о выдающемся русском ученом-энциклопедисте первой половины XVIII века Василии Никитиче Татищеве и о том небрежении, с каким относятся к памяти автора первой «Истории Российской» в Солнечногорском районе Подмосковья. Тогда по инициативе журнала была изготовлена металлическая памятная доска и установлена на могиле ученого, на погосте Рождествено, что в километре от села Болдино, где Татищев жил последние пять лет своей удивительной жизни.

Уже через месяц после установки памятной доски фотография могилы выдающегося ученого появилась в Солнечногорском краеведческом музее, ее стали посещать многочисленные паломники, а когда студия «Центрнаучфильм» снимала фильм о Татищеве (он вышел на экраны в минувшем году под названием «Сын Отечества»), место захоронения — наконец-то! — огородили цепью, укрепленной на четырех бетонных столбиках.

Однако после завершения съемок дирекция совхоза «Солнечное» распорядилась цепи и столбики снять с могилы и увезти как совхозное имущество. С другой стороны, оказалось, что памятной доске готовилась каменная замена.

...Гранитную мастерскую в городе Солнечногорске я разыскал легко. Мастер Евгений Григорьевич Климов тотчас вспомнил: был такой заказ! Но поскольку заказчик за выполненной работой не явился, стелу вывезли за пределы мастерской. Разрываем снег. Несколько рабочих, просунув доску, с трудом отрывают примерзший монолит. На полированной поверхности розового гранита — буквы: «Здесь в Болдино жил и творил Татищев В. Н. (1686—1750)...» Снова спрашиваю: «Так кто же заказал памятник?»

Поиск привел меня в город Химки, где находится вышестоящая организация солнечногорской мастерской — межрайонный многоотраслевой комбинат № 1 (директор В. И. Шевченко). После весьма долгих разысканий (заказов-то много!) главбух Любовь Васильевна Щербакова нашла письмо № 15 от 14 февраля 1983 года, в котором исполком Солнечногорского горсовета просит на средства Московского областного совета общества по охране памятников истории и культуры изготовить памятник на могилу В. Н. Татищева. Подпись внизу: зам. председателя исполкома И. В. Попов. Теперь, по прошествии двух лет, руководители района о заказе своем вспомнили с трудом.

Ну, а руководство совхоза «Солнечное» ссылается на отсутствие транспорта. Это чтобы отвезти сравнительно небольшой памятный знак в Болдино, за двенадцать километров от мастерской по асфальтированной дороге! Тем паче, бригада Климова согласна безвозмездно погрузить стелу на машину, сделать на месте фундамент и произвести установку. «Такому-то человеку...» — сказали мне с чувством рабочие.

Две зимы и два лета лежит вниз лицом памятная гранитная стела на задворках мастерской. Потрачены средства, преподнесен еще один урок бездуховности.

Ответственность перед памятью не должна угасать, как это случилось в Солнечногорском районе. Ведь есть возможность организовать в уцелевших усадебных зданиях в Болдине музей В. Н. Татищева. До 300-летия великого русского историка остается только год.

Георгий БЛЮМИН

«ПОБЕД ЛЮБИМЫЙ СЫН»

Историческая романистика пополнилась книгой «Генерал Ермолов».

Легендарный герой 1812 года, участник всех войн с Наполеоном, суровый «проконсул Кавказа», он пользовался огромной популярностью в самых широких слоях русского общества и был воспет едва ли не всеми выдающимися поэтами-современниками: Пушкиным, Рылеевым, Жуковским, Языковым, Лермонтовым и, конечно, поэтом-партизаном, двоюродным братом генерала Денисом Давыдовым.

На страницах романа Олега Михайлова мы видим юного Ермолова — ученика Суворова, получившего из его рук боевого Георгия; русского патриота, протестующего против засилья павловских порядков, поплатившегося заточением в Алексеевский равелин, а затем бессрочной ссылкой в Кострому с «исключением из списка как умершего»; храброго артиллериста в войнах с Наполеоном 1805 и 1807 годов; героя Бородина, взявшего приступом Курганную высоту в ответственнейший момент сражения; спасителя всей союзной армии под Кульмом в 1813 году; рачительного «отца солдатам» и умного дипломата, возглавившего посольство в Персию; наконец, скрытого сторонника декабристов, с которыми его соединяли глубоко личные, дружественные отношения.

Читателю открывается незаурядная фигура воина и государственного деятеля (кстати, почти забытого), поражающего силой характера, проницательностью, волей. Автор подчеркивает демократизм Ермолова в отношении к солдатам, к которым он обращался с таким непривычным для армейских порядков той поры словом «товарищ». Интересны страницы романа, где рассказывается о вольнолюбии Ермолова.

В романе появляются, действуют, живут множество исторических лиц, и среди них атаман Платов, партизаны Денис Давыдов и Фигнер, знаменитые военачальники Багратион и Барклай де Толли, император Александр I и его брат Константин Павлович, ермоловские соратники по Кавказу Мадатов и Муравьев, Грибоедов... — разновеликие фигуры нашей истории. Но особенно хочется выделить изображение мудрого Кутузова, который предстает на страницах произведения как деятельный, энергичный и волевой полководец.

Хочется сказать и об удачно нарисованном персонаже вымышленном. Это фейерверкер Горский, который, пройдя Итальянский и Швейцарский походы, затем сопровождает Ермолова во всех его кампаниях, вплоть до взятия в 1814 году Парижа. О. Михайлову удалось создать образ народный, с сочной, ядреной речью, живым и сметливым умом, характером, отмеченным терпеливостью и стойкостью.

Н. ЧЕРНОВ

Олег Михайлов. Генерал Ермолов. Исторический роман. М., Воениздат, 412 с.

ВЫСТАВКА КАРТИН ЮРИЯ РАКШИ

31 января в Москве в выставочном зале Всероссийского общества охраны природы открылась выставка картин художника Юрия Ракши. Здесь наиболее полно представлены живописные полотна мастера — портреты, натюрморты, жанровые произведения, в специальном зале развернута экспозиция графики и книжной иллюстрации. Художник много ездил по стране, его влюбленность в родные пейзажи, горячее чувство Отчизны были широко известны — на выставке немало работ, посвященных родному краю, и недаром девиз ее — «Художник и природа».

На открытии присутствовали видные деятели культуры и искусства, писатели, журналисты, зарубежные гости.

Выступавшие, среди которых были писатели И. Стаднюк, С. Дангулов, народный художник СССР Б. Неменский, секретарь правления Союза художников СССР И. Абросов, секретарь правления Союза художников РСФСР О. Савостюк, посол Австрийской Республики в СССР Х. Лидерман, тепло говорили о непреходящем значении творческого наследия художника Ю. Ракши для русской советской изобразительной школы, для ее высокого международного авторитета.

Ю. НОВИКОВ

Михаил ЕРМОЛАЕВ

ВЬЮГА

Вьюге за полночь не спится,
Ходит в поле с помелом,
Сыплет жесткою крупицей,
Бьет заснеженным крылом.
Водит в поле хороводы,
Щурит на ветру глаза,—
Развилась на небосводе
Белая ее коса...
Все дороги запуржила
И со свистом унеслась,
Наигралась,
Накружилась,
Нагулялась за ночь всласть.
Выла волком,
Пела бесом,
На пичуг нагнала страх,
Обнялась со встречным лесом
И уснула на кустах...

ДЕРЕВЯННЫЕ КОНЬКИ

Деревянные колодки,
К ним прилажен гнутый прут,
Сбоку дырки от веревки,
Палки к валенкам взакрут.
Колотушки, самокаты,
Самодельные коньки!..
Расступитесь-ка, ребята,
Прокачусь я вдоль реки.
Все готово для полета,
Вместо крыльев
Две руки,
Прокатиться так охота —
«Распряглись» мои коньки...

Ногинск,
Московской области.

МАГИЯ СЛОВА

ЮМОРЕСКА

Черногривая Софочка, остановившись у моего стола, загадочно прошептала, что сам Цицеронов вызывает меня «на ковер».

Крахмальный воротничок впился в горло. «Прощай, прогрессивка! — екнуло под сердцем.— И тринадцатая зарплата,— эхом отдалось под лопаткой.— О повышении и думать нечего,— заныло под ложечкой.— И нужно было выступать вчера на профсобрании? Все равно Подлизин въезжает в мою новую квартиру... Сорвался. Конечно, сорвался. Три года он меня не замечал, фамилию путал, а тут вызывает. Ах ты боже мой! Стресс попутал!»

Подхожу к обитой двери, а сам дрожу осиновым листом. Здесь не удержаться — это факт. Лучше уж по собственному желанию, но с хорошей характеристикой.

Цицеронов улыбался и потирал руки, как перед роскошным банкетом. Ясно, думаю, участь моя решена. Сожрет с потрохами и не подавится.

— Ну что, Трепыхалкин? Признаться, не ожидал.— А сам рассматривает меня с разных сторон, будто фаршированную щуку.

— Извините, Михаил Михалыч, сдуру... Сам не знаю, как... Бес попутал...

— Не-е-е-т,— говорит, а сам улыбается и руки потирает, словно не терпится ему поскорее приступить к трапезе.

Его не переубедить, поник я. Конечно, для Цицеронова я теперь обуза. У него, говорят, и так неприятности наверху. А тут еще я добавил...

...лишь за свое кровное? Тогда... тогда моему возмущению нет предела.

«Сейчас предложит по собственному желанию»,— стал предугадывать я ход мыслей своего начальника.

— Вчера на собрании, слушая твою вдохновенную речь и... критику в мой адрес, я подумал: вот истинный патриот, вот человек, болеющий за общее дело. Только он может спасти нас.

Я осторожно и неопределенно пожал плечами.

— Одним словом, мы все смотрим на тебя.

Я опять дипломатично пожал плечами.

— Нужна пламенная речь.

Я повторил свой маневр.

— И написать ее должен ты! — выпалил с едва скрываемым раздражением Цицеронов.

— Я?

— Да. Подлизин уже выдохся. У него интеллектуальный застой, дефицит идей.

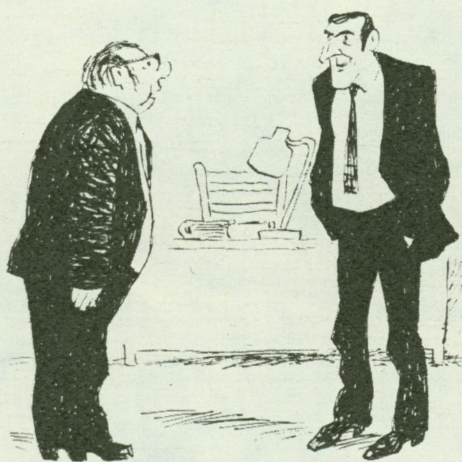
— Да я никогда...

— Ничего страшного,— перебил он меня, несколько успокаиваясь.— Искусство двигают дилетанты,— вспомнил он чье-то выражение.— А в награду получишь свою квартиру и полставки к зарплате. Отпуск в любое время года, путевки бесплатно. Согласен?

Я онемел от неожиданности.

— Что молчишь? Тебя не устраивают условия?

Хотелось крикнуть, что недостоин, что виноват и искуплю. Но язык не повиновался, и я молчал, выпучив от натуги глаза.

— Милый, да знаешь ли ты, что у тебя талант?

Издевается или провоцирует? И то и другое, полыхнуло в голове. А может, и третье, чего сразу-то и не поймешь... Лучше промолчать. Сейчас это на вес... что там золота — хорошей характеристики.

— Чего же ты как воды в рот набрал? Побалуй красноречием. И критики, критики подпусти, не стесняйся, нас здесь никто не услышит.

— Не могу,— промычал я лишь только для того, чтобы не дразнить его долгим молчанием.

— Почему же? — удивился Цицеронов.— Может, тебя все устраивает в нашем учреждении? И ты бился на собрании

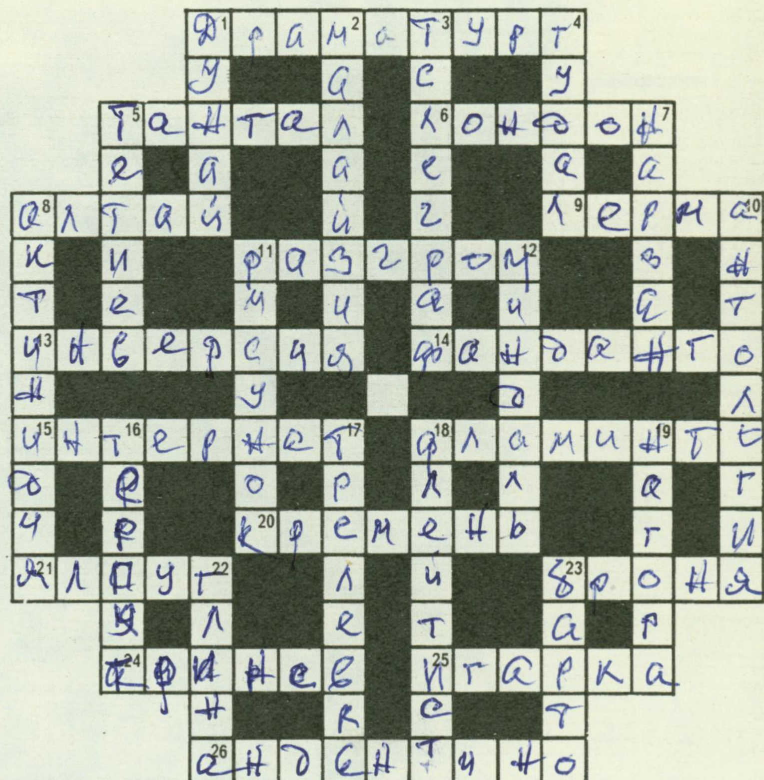
— Ну тогда,— Цицеронов почесал затылок,— я буду отпускать тебя с работы на два часа раньше. Ну, теперь согласен?

Пришлось мотнуть головой, чтобы как-то разрядить обстановку.

С тех пор я стал постоянным составителем речей для Цицеронова. Вскоре ему простили все грехи, даже повысили. А он, в свою очередь, и меня. Живу теперь в прекрасной квартире, на работу езжу на автомобиле. Жизнь стала чудесной. Только вот друзья почему-то стали прохладней ко мне относиться, кое-кто перестал даже здороваться. Но думаю, это ненадолго...

С. ГОЛЬФСТРИМ

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Рассказ А. П. Чехова. 5. Химический элемент, металл. 6. Американский прогрессивный писатель. 8. Горная система в Западной Сибири. 9. Река в Мексике. 11. Роман А. А. Фадеева. 13. Изменение обычного порядка слов и словосочетаний. 14. Испанский народный танец. 15. Общежитие для учащихся. 18. Южная птица с розовым оперением. 20. Очень твердый камень. 21. Озеро в Одесской области. 23. Средство защиты боевой техники. 24. Персонаж повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». 25. Порт в Красноярском крае. 26. Музыкальный темп.

По вертикали: 1. Вторая по длине река Европы. 2. Государство в Юго-Восточной Азии. 3. Система связи. 4. Действующее лицо оперы А. Г. Рубинштейна «Демон». 5. Город в Киевской области. 7. Минеральная вода. 8. Дальневосточная декоративная лиана. 10. Сборник избранных литературно-художественных произведений разных авторов. 11. Основной вид графики. 12. Орех, плод южного растения. 16. Промысловая морская рыба. 17. Транспортировка срубленных деревьев с места заготовки. 18. Музыкант, исполнитель на духовом инструменте. 19. Керамические литавры, распространенные в Средней Азии и Армении. 22. Пластичная осадочная горная порода. 23. Детская поэтесса, лауреат Ленинской премии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали: 4. «Арзамас». 5. Фейерверк. 7. Каска. 9. Хорог. 13. «Баку». 14. Джорджоне. 15. Азия. 16. Атмосфера. 17. Коробочка. 19. Ялта. 20. Сумароков. 22. Июль. 23. Апорт. 24. Пьеса. 25. Автотипия. 28 Стейниц.

По вертикали: 1. Край. 2. Шахразада. 3. Кафе. 5. Фасад. 6. Курбе. 7. Кругорама. 8. Апохромат. 9. Хроноскоп. 10. Глаголица. 11. Гантель. 12. Пикколо. 18. Кронштейн. 20. Скопа. 21. Время. 26. Титр. 27. Приз.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Чемпионка Европы по художественной гимнастике Галина Белоглазова. (См. в номере материал «Ствол и ветви».)

Фото А. БОЧИНИНА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: А. С. Пушкин не раз бывал в ганнибаловском Петровском * Святогорский монастырь * Зимой в Михайловском * С. С. Гейченко — хранитель пушкинских мест. (См. в номере материал ко дню памяти А. С. Пушкина, с. 26—27.)

Фото В. ЕНИШЕРЛОВА

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Н. И. БУДКИНОЙ

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 21.01.85. Подписано к печати 05.02.85. А 00319. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 510 000 экз. Изд. № 329. Заказ № 4115.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

В. ВИКТОРОВ,
фото А. БОЧИНИНА

СТВО

На тренировке.

Л И ВЕТВИ

Их называют «художницами», но точнее величать поэтессами жеста: так же, как и балерины, они покоряют зрителей безмолвно, с помощью движения. Такова суть спорта, ставшего за последние годы одним из самых популярных в мире,— художественной гимнастики. Но, отправившись к спортивным грациям в один из подмосковных тренировочных центров, едва переступив его порог, еще не увидев их, мы услышали их поэтическое слово. В стенной газете, выпущенной гимнастками сборной страны, мы прочли такие стихи:

Спортсмены возникают, вырастая
из тренера, как ветви из ствола.
Час пробил, чемпион на пьедестале,
и тренеру возносится хвала.
К нему подходят, руку жмут до хруста.
А твой-то, твой спортсменище — орел!
Но тренер головой кивает грустно,
Как будто потерял, не приобрел.

И вот тренер абсолютной чемпионки Европы по художественной гимнастике Гали Белоглазовой Людмила Александровна Тихомирова рассказывает нам о событиях и давних, и совсем близких, а мы снова вспоминаем стенгазету граций, в которой рассказывалось о трудной победе Гали Белоглазовой на чемпионате Европы в Вене, и о сегодняшней работе гимнасток над новыми программами, и о предстоящем чемпионате мира в Мадриде.

Несмотря на все свое родство с балетом, художественная гимнастика такой же спорт, как легкая атлетика, плавание, штанга, в ней победу решают баллы, а за ними стоят трудолюбие, выдержка, воля и полнейшее слияние со своим тренером. И чтобы понять, в чем сила семнадцатилетней гимнастки Гали Белоглазовой, надо понять, в чем сила ее тренера.

Людмила Александровна еще не успела сбросить со своих плеч тот тяжелый груз, который навалился на нее осенью на венском стадионе, когда ее ученица, всю свою короткую жизнь проведшая в Астрахани, боролась за победу с всемирно известной болгарской гимнасткой Анелией Раленковой. Нетрудно представить все то огромное напряжение, которое испытала Людмила Александровна, когда от неудачи до победы Белоглазову отделяли сотые балла и одно неточное движение, один неудавшийся взмах ленты, неполный взлет обруча или мяча сводили на нет долгую, изнурительную работу в тренировочном зале. Сможет ли ее девочка, еще никогда не побеждавшая на соревнованиях такого ранга, противостоять опытнейшей болгарской гимнастке! Что же чувствовала Людмила Александровна, когда стало известно, что Галя Белоглазова набрала те же 39,85 балла, что и Анелия Раленкова!

— А что я могла чувствовать, если перед выходом Гали для выполнения упражнения с обручем мы вдруг увидели, что ее обруч треснул, а сделать уже ничего нельзя, и он может в любой момент развалиться! Я не смогла заставить себя смотреть выступление Гали с обручем. Не смогла, понимаете, не смогла.

Надо же случиться такому! Ведь еще за год до этого, на чемпионате мира в Страсбурге, Галя обнаружила перед выходом на арену, что ее лента короче на два сантиметра, чем это требуют правила, и Людмила Александровна до сих пор не знает, как им удалось натянуть эти два роковых сантиметра. А затем в борьбе с болгарской гимнасткой Диляной Георгиевой Галя не смогла натянуть пять сотых балла, чтобы разделить, как впоследствии в Вене, первое место. И, конечно же, эти два сантиметра и пять сотых балла осели где-то в душе Людмилы Александровны, и вот теперь к ним прибавилась эта злосчастная трещина в обруче.

А сколько таких трагических сантиметров, незаметных трещин таится в душе тренера! Скрывает ли она свои тяготы от ученицы! Нет, Галя должна знать, чем живет, о чем думает ее наставница. Ведь ветви вырастают из ствола, и вот девушки с удивительной поэтичностью выразили эту мысль в стихах, и Галя Белоглазова знает ту меру сил, которые уже давно тратит на воспитание гимнасток ее тренер.

Когда-то в далеком 1948 году Людмила Александровна Тихомирова (тогда Люда Васильева) стояла у истоков нового спорта, участвовала в соревнованиях, выступала в составе сборной страны первого созыва, но куда бы ни забрасывала ее судьба, она неизменно возвращалась в родной город Астрахань, а перейдя на тренерскую работу, создала школу, и теперь в этой знаменитой на весь мир школе художественной гимнастики занимается 1200 человек, в штате школы 60 тренеров, и все они астраханки, ученицы Людмилы Александровны Тихомировой, и многие из них — обладатели громких титулов, среди них такие именитые, как Ольга Ульянова, Елена Леонтьева, Алла Засухина.

К Ольге Владимировне Ульяновой вместе со многими другими шестилетними малышками и пришла заниматься художественной гимнастикой Галочка Белоглазова, а через четыре года ее взяла в свои руки Людмила Александровна, и вот уже семь лет они вместе, и сколько за это время пролито пота и слез, сколько раз продумывались, разучивались и выносились на строгий суд ценителей все новые и новые программы, в создании которых принимали участие и хореографы Альбина Рыбкина, Виктор Сергеев и Валерий Священко, и аккомпаниаторы Евгений Гдальевич Веврик, ныне покойный, и Николай Сафатов. Есть у Людмилы Александровны еще один «внештатный» помощник, сын Николай — артист московского классического балета, но главная помощница тренера, конечно, сама гимнастка. Сколько часов они проводят в спортивном зале, сколько совместной выдумки вкладывают в каждый жест, каждую новую программу, сколько раз прокатывают ее, пока решат, что она может быть обнародована.

Да, немало усилий надо приложить тренеру, чтобы хрупкий росток превратился в цветущую ветвь. Нелегко распознать возможности маленькой гимнастки, но Людмила Александровна применяет один, может быть, суровый, но точный метод: ее ученица должна быть похожа, по характеру и на Люду Васильеву, и на Людмилу Тихомирову,— она должна уметь выплеснуться за считанные минуты, у нее должны гореть глаза.

И вот сидит перед нами женщина с уставшими глазами — пять часов провела она сегодня в зале со своей ученицей, верстая новую программу к чемпионату мира.

— Могут ли оказаться среди ее учениц новые Белоглазовы!— спрашиваем мы Людмилу Александровну.

— Я ее «сменщиц» вам не назову,— отвечает она.— У меня такое правило. Пока выступала Алла Засухина, никто не знал, что у меня есть Галя Белоглазова. Пока выступает Галя Белоглазова...— И в этот момент в комнату вошла та, о которой мы говорили. Но как же мало походила на «спортсменищу» эта хрупкая, тоненькая девушка!

Людмила Александровна Тихомирова и ее ученица Галя Белоглазова.

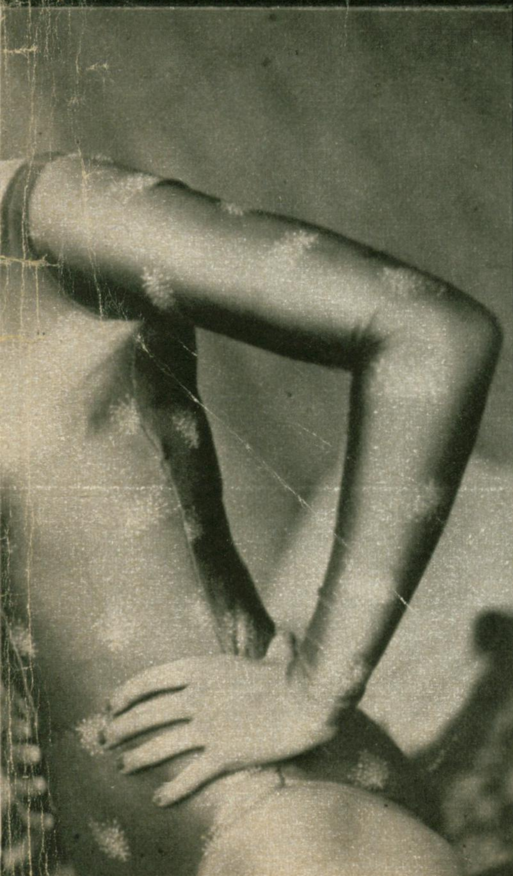
Смешная история.

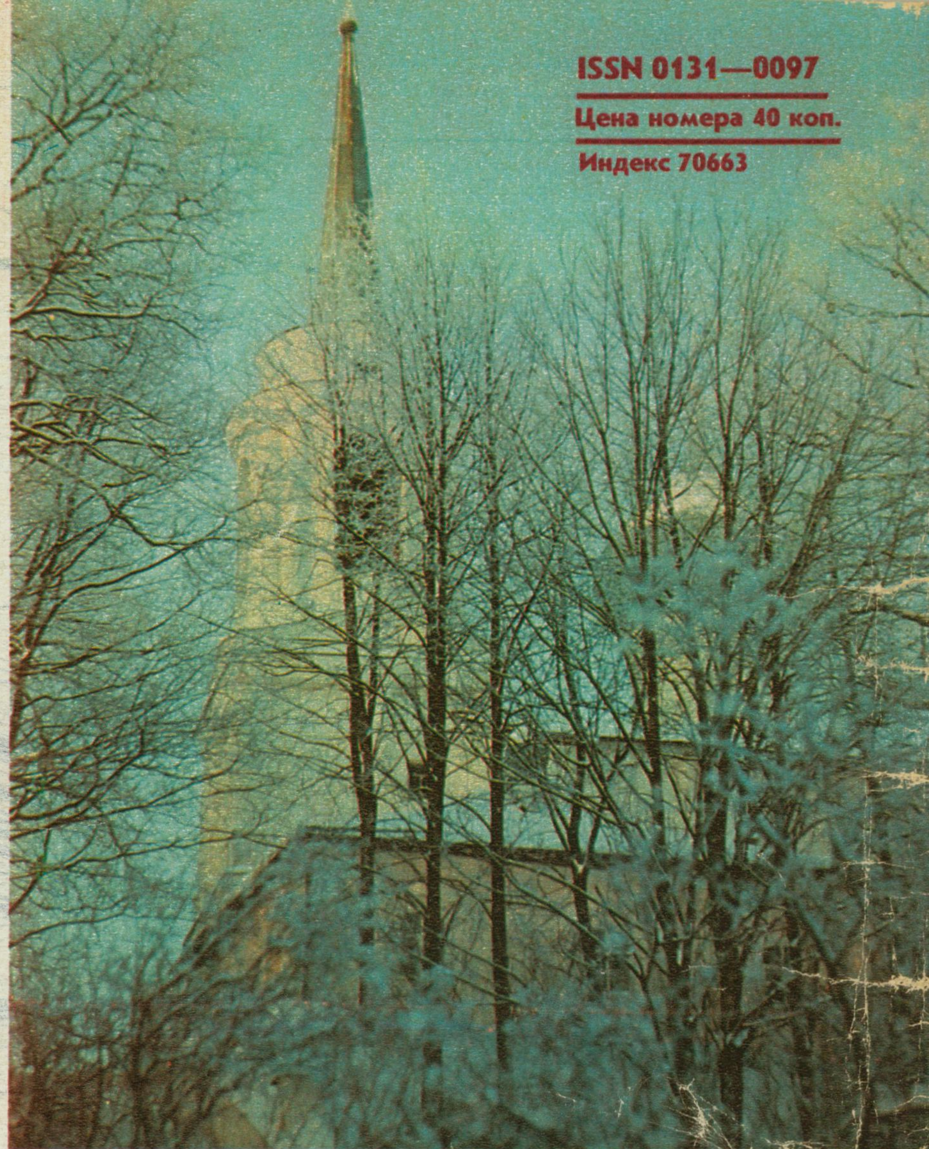
Как дела дома?

Они из Астрахани — Галя Белоглазова и Оля Куренкова.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

